

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Природа
зверя

Это превосходная детективная история в классическом стиле
Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников
с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Природа зверя

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Природа зверя / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус», 2015 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-14216-9

Роман «Природа зверя» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Не проходит и дня, чтобы девятилетний Лоран Лепаж не сочинил какую-нибудь фантастическую историю – о вторжении марсиан, громадной пушке, крылатых монстрах, увиденных им в лесу. Конечно, никто из жителей деревушки Три Сосны не воспринимает всерьез его болтовню, в том числе бывший старший инспектор полиции Арман Гамаш, поселившийся здесь после выхода в отставку. Но мальчик исчезает, и вскоре поисковая группа глубоко в лесу натывается на загадочную находку, доказывающую, что монстр все-таки побывал в здешних местах. Люди начинают подозревать, что далеко не все из рассказов Лорана чистая выдумка. Арман Гамаш понимает: возможно, он сам, не поверив мальчику, повлиял на роковой ход событий. Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-14216-9

© Пенни Л., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	36
Глава седьмая	44
Глава восьмая	50
Глава девятая	58
Глава десятая	62
Глава одиннадцатая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Луиза Пенни

Природа зверя

Louise Penny

THE NATURE OF THE BEAST

© Г. Крылов, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

* * *

Нашим друзьям и соседям – семье, родной по духу

Глава первая

Все вперед и вперед. Спотыкаясь на бегу, он мчался с поднятой рукой, чтобы ветки не хлестали по лицу. Корня не заметил. Рухнул на землю, ладони впечатались в мох и слякоть. Его автоматическая винтовка упала, подпрыгнула и куда-то откатилась. Лоран Лепаж оглядел лесную подстилку, лихорадочно обшарил руками слой мертвых гниющих листьев.

У него за спиной раздавались шаги. Топот ботинок. Он почти чувствовал, как содрогаются земля под чьей-то тяжелой поступью. Пока он на четвереньках разгребал листья, шаги неумолимо приближались.

– Ну же, ну! – взмолился Лоран.

Наконец он нащупал ствол винтовки окровавленными грязными пальцами, вскочил и побежал. Пригнувшись. Хватая ртом воздух.

Казалось, он бежит уже несколько недель, месяцев, стремительно петляя между деревьями. Целую жизнь. И все же он знал, что его бег скоро закончится.

Однако он продолжал мчаться вперед, так велико было его желание выжить. И спрятать находку. Если не удастся доставить ее в безопасное место, то он хотя бы попытается сделать так, чтобы ее не нашли преследователи.

Он может спрятать ее. Здесь, в лесу. И тогда лев сегодня уснет. Наконец-то.

Бабах. Бах-бах-бах. С деревьев вокруг него посыпались щепки, сорванные пулями.

Он пригнулся, перекатился и спрятался за пнем, уткнувшись плечом в гнилое дерево. Нет, укрыться от пуль здесь не получится.

Его мысли в эти последние мгновения были не о родителях и не о родном доме в маленькой квебекской деревушке. И не о щенке, который вырос и стал огромным псом. Лоран не думал ни о друзьях, ни о летних играх на деревенском лугу, ни о бесшабашном катании на санках по заснеженному склону холма под крик грозящей им кулаком сумасшедшей старой поэтессы. Он не думал о горячем шоколаде в конце дня перед камином в бистро.

Он думал только о том, как бы убить тех, кто попадет в прицел его винтовки. И выиграть время. И тогда, может быть, может быть, ему удастся спрятать кассету.

И тогда, может быть, может быть, жители деревни будут спасены. И жители других деревень будут спасены. Он находил утешение в том, что его труды не пропадут даром. Его жертва послужит великому благу и принесет мир людям, которых он любит, и месту, которое он любит.

Лоран поднял свое оружие, прицелился и нажал на спусковой крючок.

– Бах, – сказал он, почувствовав удар приклада по плечу. – Бах-бах-бах-бах-бах.

Те, кто бежал впереди, упали.

Он вскочил и перекатился за крепкое дерево, прижался к стволу с такой силой, что жесткая кора разодрала кожу на спине, а в голове промелькнула мысль, устоит ли дерево под этим напором. Он обхватил винтовку обеими руками. Кровь пульсировала в жилах. Стук сердца в ушах грозил заглушить все другие звуки.

Например, звук быстро приближающихся шагов.

Лоран попытался успокоиться. Выровнять дыхание. Унять дрожь.

Он напомнил себе, что уже попадал в такие переделки. И ему всегда удавалось ускользнуть. Всегда. Удастся и сегодня. Он вернется домой. А там его ждет горячий чай и что-нибудь сладкое. И ванна.

И он смое с себя все ужасы, которые совершил и еще собирается совершить.

Он сунул руку в карман порванной грязной куртки. Пальцы с ободранными до крови костяшками нащупали то, что там лежало, – кассету. В целости и сохранности.

Или, по крайней мере, в такой же целости и сохранности, как и он сам.

Его обостренное обоняние инстинктивно впитывало сладковатый запах лесной подстилки, глаза ловили проблески солнечных лучей. У себя над головой он слышал суетливую возню бурндуков в ветвях.

Но вот чего он больше не слышал, так это шагов.

Неужели он убил или ранил всех преследователей? Неужели он все-таки доберется сегодня до дома?

Но потом он кое-что услышал. Характерный треск веточки. Близко.

Они тихо подкрадывались к тому месту, где он находился. Окружали его.

Лоран попытался сосчитать, сколько врагов к нему приближается, оценить их количество по звукам. Но не смог. И понял, что это не имеет значения. На сей раз ему не уйти.

И тогда он ощутил что-то незнакомое. Горькое.

Вкус страха во рту.

Он глубоко вздохнул. В оставшиеся ему мгновения Лоран Лепаж посмотрел на свои грязные пальцы, сжимающие винтовку. А увидел их чистыми и розовыми, держащими бургер, картофель фри, початок кукурузы, *pets de soeurs*¹ на сельской ярмарке.

Увидел щенка у себя на руках. Харвеста. Названного по любимому альбому его отца.

И наконец, сжимая в руках винтовку, он тихонько запел. Песню, которую отец напевал ему каждый вечер перед сном.

– «Старик, взгляни на жизнь мою, – пел он еле слышно. – Двадцать четыре мне, и столько еще впереди»².

Он опустил винтовку и вытащил кассету. Время его истекло. Он проиграл. И теперь должен спрятать эту кассету. Упав на колени, он нашел переплетение ветвей ежевики, старых и одеревеневших. Больше не думая о приближающихся звуках, Лоран попытался раздвинуть ветви. Они были толще и плотнее, чем показалось вначале, и его охватила паника.

Неужели он опоздал?

Лоран раздирал и разрывал путаницу ветвей, пока не появилось небольшое отверстие. Он просунул туда руку с кассетой и разжал пальцы.

Возможно, эту кассету никогда не найдут те, кому она необходима. Зато не найдут и те, кто вот-вот убьет его из-за нее.

– «Но вот остался я один, – прошептал он, – и домой к тебе возвращаюсь».

Что-то сверкнуло за переплетенными ветвями.

Что-то лежало там. Оно не выросло – его туда положили. Кто-то побывал здесь до Лорана.

Забыв о своих преследователях, Лоран Лепаж придвинулся ближе, ухватил ветви обеими руками и принялся их раздвигать. Ползучие стебли переплетались, цеплялись друг за дружку. Годы, десятилетия, эоны роста. И сокрытия.

Он продолжал разрывать, раздирать и раздвигать ветки. Наконец солнечные лучи проникли сквозь густые заросли и подлесок, и Лоран увидел то, что там находится. То, что было спрятано там, когда он еще и на свет не появился.

Глаза его широко распахнулись.

– Ух ты!

¹ Булочки с корицей (*фр.*).

² Песня «Old Man» из альбома «Harvest» («Урожай») канадского музыканта Нила Янга.

Глава вторая

– Ну так что?

Изабель Лакост поставила стакан с яблочным сидром на поцарапанную деревянную столешницу и посмотрела на человека, сидящего напротив нее.

– Ты же знаешь, я не стану отвечать на этот вопрос, – сказал Арман Гамаш, отхлебнул пива и улыбнулся ей.

– Что ж, теперь, когда вы мне больше не начальник, я могу вам сказать, что думаю на самом деле.

Гамаш рассмеялся. Его жена Рейн-Мари наклонилась к Лакост и прошептала:

– И что же вы думаете на самом деле, Изабель?

– Я думаю, мадам Гамаш, что ваш муж стал бы замечательным суперинтендантом Квебекской полиции.

Рейн-Мари откинулась на спинку стула. Через сводчатые окна быстро она видела разношерстную группу играющих в футбол детей и взрослых, среди которых были ее дочь Анни и муж Анни – Жан Ги. Стояла середина сентября. Лето прошло, и осень стучалась в дверь. Листва меняла цвет. В лесу и садах пламенели красные, желтые и янтарные клены. На траве деревенского луга уже лежали опавшие листья. Это было прекрасное время года, когда поздние летние цветы еще цвели и трава оставалась зеленой, но по вечерам становилось прохладно, так что обитатели деревни вытащили из шкафов свитеры и начали протапливать дома. И домашние очаги по вечерам напоминали лес днем – такие же веселые, яркие и привлекательные.

Скоро все будут уезжать после уик-энда в город, но они с Арманом могли не возвращаться. Их дом был здесь.

Рейн-Мари кивнула месье Беливо, владельцу магазина, усевшемуся за соседний столик, а потом снова перевела взгляд на женщину, которая приехала к ним на выходные. Изабель Лакост. Старший инспектор Лакост, исполняющая обязанности главы отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Этот пост в течение двадцати лет занимал Арман Гамаш.

Рейн-Мари всегда думала о ней как о «юной Изабель». Она надеялась, что в этом нет никакого покровительства или снисходительности, просто Арман нашел, принял и обучил Изабель, когда та была совсем юной девушкой.

Но теперь на лице Изабель появились морщинки, в волосах – седые пряди. Казалось, все произошло за одну ночь. Они познакомились с ее женихом, гуляли на ее свадьбе, присутствовали на крещении двух ее детей. Она так долго была юным агентом Лакост, а теперь, как-то вдруг, стала старшим инспектором Лакост.

А Арман ушел в отставку. Ушел явно слишком рано, но все же ушел.

Рейн-Мари снова посмотрела в окно. Для них наступили золотые годы.

А может быть, и нет.

Рейн-Мари переключила внимание на Армана, который сидел в облюбованном им «уша-стом» кресле в бистро, попивая пиво из микропивоварни. Расслабленный, довольный, веселый. Его шестифутовая фигура обрела нормальную массу. Нет, он не растолстел, просто оставался крепким. Волнолом во время шторма.

Но шторма прекратились, напомнила себе Рейн-Мари. Они наконец могли перестать противостоять волнам и побыть обычными людьми. Арманом и Рейн-Мари. Двумя деревенскими жителями. Никем больше. И этого вполне достаточно.

Для нее.

А для него?

Волосы у Армана сильно поседел, но, как всегда, слегка завивались над ушами и сзади. Они отросли чуть длиннее, чем во времена его работы в полиции. Скорее не потому, что он махнул на себя рукой, а потому, что он этого не замечал.

Здесь, в Трех Соснах, они замечали многое: перелет гусей, колючие каштаны, вызревающие на деревьях, покачивание цветущих «черноглазых Сюзанн»³. Они замечали бочку яблок у магазина месье Беливо – бери сколько хочешь. Они замечали фрукты и овощи нового урожая на фермерской ярмарке и новые поступления в книжный магазин Мирны. Они замечали ежедневные специальные блюда в бистро Оливье.

Рейн-Мари замечала, что Арман счастлив. И здоров.

И Арман Гамаш замечал, что Рейн-Мари тоже счастлива и здорова здесь, в этой маленькой деревне. Три Сосны не могли защитить их от горестей мира, но способствовали исцелению ран.

Шрам пересекал висок Армана, лоб бороздили морщины. Некоторые из них возникли под воздействием стресса, забот и печалей. Но большинство, как те, что обозначились сейчас, появились благодаря его смешливости.

– Я думала, вы мне скажете, что на самом деле думаете о нем как о человеке, – снова заговорила Рейн-Мари. – Поведаете обо всех тех недостатках, которые видели за годы совместной работы. – Рейн-Мари заговорщицки подалась вперед. – Ну же, Изабель, расскажите мне о вашем наставнике.

На деревенском лугу двое детей Лакост сражались с Жаном Ги Бовуаром за мяч. Взрослый Жан Ги, казалось, искренне и даже с каким-то отчаянием старался завладеть мячом. Лакост улыбнулась. Инспектор Бовуар не хотел проигрывать даже детям.

– Вы имеете в виду его жестокость? – спросила она, переводя взгляд на свою собеседницу в уютном бистро. – Его некомпетентность? Нам приходилось будить его и подсказывать решения, чтобы он мог приписать себе все заслуги в раскрытии преступления.

– Это правда, Арман? – спросила Рейн-Мари.

– Pardon? Я вздремнул.

Лакост рассмеялась:

– А теперь я заняла ваш кабинет и ваш диван. – Она посерьезнела. – Я знаю, вам предлагали должность суперинтенданта, patron. Старший суперинтендант Брюнель сообщила мне об этом по секрету.

– Хорошенький секрет, – заметил Гамаш.

Однако он не выглядел обескураженным.

Неделю назад в Три Сосны приезжала старший суперинтендант Тереза Брюнель, после скандалов и перетряски назначенная главой Квебекской полиции. Считалось, что она просто приехала в гости. Но когда они сидели на веранде за утренним кофе, Тереза предложила ему работу:

– Должность суперинтенданта, Арман. Вы будете курировать отдел по расследованию убийств и тяжких преступлений, а также по охране Санта-Клауса на Рождество.

Он недоуменно поднял брови.

– Мы проводим реструктуризацию, – пояснила Тереза. – Иоанна Крестителя мы отдали отделу по борьбе с организованной преступностью.

Гамаш улыбнулся, улыбнулась и она, но ее взгляд тут же снова стал острым:

– Что нужно, чтобы вы вернулись?

С его стороны было бы лицемерием сказать, что он не предвидел такого развития событий. Он предчувствовал что-то подобное с тех пор, как стала достоянием гласности вся глу-

³ «Черноглазая Сюзанна» – народное название цветка тунбергия крылатая.

бина беззакония, в котором погрязло совершенно деградировавшее руководство Квебекской полиции.

Им требовался лидер и управленец, и чем скорее, тем лучше.

– Дайте мне время подумать, Тереза, – сказал Гамаш.

– Время не ждет.

– Я понимаю.

Тереза поцеловала Рейн-Мари на прощание, потом взяла Армана под руку, и двое старых друзей и коллег пошли к ее машине.

– Гниль из полиции вычистили, – сказала она, понизив голос. – Но теперь нам необходима перестройка. На сей раз настоящая. Мы оба понимаем, что болезнь может вернуться. Разве вы не хотите, чтобы полиция Квебека стала сильной и здоровой? И двигалась в правильную сторону.

Она посмотрела на своего друга. Было очевидно, что он оправился от физических травм. Гамаш излучал силу, благополучие и энергию, сдерживать которую ему не составляло труда. Но причиной отставки Гамаша стали не физические раны, какими бы серьезными они ни были. Эмоциональный груз – вот чего он не смог вынести. Гамаш повидал достаточно: коррупцию, предательство, удары ножом в спину. Он долго жил в разрушительной, насыщенной флюидами корысти атмосфере. Он видел достаточно смертей. Старший инспектор Гамаш изгнал порчу из Квебекской полиции, но воспоминания остались, пустили корни в его душе.

«Исчезнут ли они со временем? – спрашивала себя Тереза Брюнель. – Исчезнут ли они с расстоянием? Смоет ли их эта деревенька, подобно крещению?»

Возможно.

– Худшее позади, Арман, – сказала Тереза, когда они подошли к машине. – Теперь пришло время для конструктивной работы. Для перестройки. Неужели вы не хотите принять в ней участие? Или вам достаточно этого?

Она обвела взглядом деревенский луг. Увидела старые дома, стоящие вокруг. Бистро, книжный магазин, пекарню и продуктовый. Гамаш знал, что, по ее мнению, это хоть и милая, но скучная тихая заводь. Тогда как для него здесь было пристанище. Место, где потерпевший кораблекрушение может наконец отдохнуть.

Арман, конечно, сообщил Рейн-Мари, что ему предлагают работу, и они обсудили это.

– Ты хочешь вернуться, Арман? – спросила она, стараясь говорить равнодушным тоном.

Но он слишком хорошо ее знал.

– Я думаю, рановато. Для нас обоих. Однако Тереза подняла интересный вопрос. Что дальше?

«Дальше?» – подумала Рейн-Мари, когда услышала от него это неделю назад. О том же самом думала она и теперь, в бистро, среди шума, болтовни других посетителей, сидящих вокруг. О том, что одно дурное слово выброшено на ее берег и пустило корни и усики, как выюнок. Прилипчивое слово.

«Дальше».

Когда Арман вышел в отставку и они переехали из Монреаля в Три Сосны, ей и в голову не приходило думать о том, что будет «дальше». Она все еще удивлялась и радовалась тому, что есть «сейчас».

Но вот теперь «сейчас» перешло в «дальше».

Арману еще не исполнилось и шестидесяти, да и сама она оставила очень успешную карьеру в Национальной библиотеке.

«Дальше».

Говоря по правде, Рейн-Мари все еще наслаждалась тем, что они здесь и что «сейчас» существует. Но на горизонте появилось «дальше» и стало приближаться к ним.

– Привет, вы еще здесь?

Габри, большой и многословный, прошел по бистро, которым владел вместе со своим партнером Оливье. Он обнял Изабель Лакост.

– Я думала, вы уже уехали, – заметила Мирна, подошедшая вместе с Габри, и заключила стройную Изабель в свои могучие объятия.

– Вот-вот уеду. Только что посетила ваш магазин, – сказала Изабель Мирне. – Вас не увидела и оставила деньги у кассы.

– Нашли книгу? – спросила Мирна. – Какую?

Они разговорились о книгах, а Габри отправился за пивом для них, на ходу обмениваясь репликами с другими посетителями. У Габри, который неуклонно приближался к сорокалетию, в темных волосах появилась седина, а на лице – морщинки, когда он смеялся, что делал довольно часто.

– Как прошла репетиция? – спросила Рейн-Мари у Габри и Мирны. – Постановка продвигается?

– Спросите у Антуанетты, – ответил Габри, показывая кружкой с пивом на женщину средних лет, сидящую за соседним столиком.

– Кто она? – спросила Изабель.

Женщина выглядела примерно как дочь Лакост, хотя дочери было семь, а женщине – лет сорок пять. Она носила одежду, больше подходящую для ребенка. В ее стоящих торчком фиолетовых волосах красовался бант, на обширную задницу была натянута цветастая юбка, слишком короткая и тесная, а пышную грудь обтягивала майка, поверх которой был надет ярко-розовый свитер. Если бы у кондитерского магазина случилась рвота, то результатом стала бы Антуанетта.

– Это Антуанетта Леметр и ее партнер Брайан Фицпатрик, – сообщила Рейн-Мари. – Она художественный руководитель Ноултонского театра. Сегодня они приглашены к нам на обед.

– Мы тоже участвуем, – сказал Габри. – Пытаемся убедить Армана и Рейн-Мари присоединиться к нам.

– Присоединиться? – спросила Изабель. – К нам?

– К Труппе Эстри⁴, – пояснила Мирна. – Я и Клару уговаривала участвовать. Не обязательно играть какую-то роль, можно, к примеру, создавать декорации. Что угодно, лишь бы вытащить ее из мастерской. Она целыми днями сидит и смотрит на незаконченный портрет Питера. По-моему, она уже несколько недель не брала кисти в руки.

– У меня от этой картины мурашки по коже, – пробормотал Габри.

– А это не перебор? – спросила Рейн-Мари. – Просить одного из лучших художников Канады делать декорации для любительского театра?

– Декорации делал и Пикассо, – заметила Мирна.

– Но для «Русского балета Дягилева», – возразила Рейн-Мари.

– Живи он здесь, он бы наверняка нарисовал для нас декорации, – сказал Габри. – Если кто и смог бы убедить его, то это она.

Он махнул рукой в сторону Антуанетты и Брайана, которые как раз подходили к их столу.

– Как прошла репетиция? – спросила Рейн-Мари, представив их Изабель Лакост.

– Она прошла бы лучше, если бы он... – Антуанетта мотнула головой в сторону Габри, – слушался моих указаний.

– Я должен чувствовать себя свободным, чтобы принимать собственные творческие решения.

– Вы изображаете его как гея, – сказала Антуанетта.

– Я и есть гей, – кивнул Габри.

⁴ Эстри – административный район Квебека.

– Но ваш персонаж не гей. У него только что развалилась семья, и он пытается прийти в себя.

– Oui⁵. А почему у него развалилась семья? Потому что он... – произнес Габри, наклоняясь к Антуанетте.

– Гей? – спросил Брайан.

Антуанетта рассмеялась. Смех у нее был искренний, от души, безудержный, и она понравилась Изабель.

– Хорошо, играйте его как хотите, – сказала Антуанетта. – На самом деле это не имеет значения. Постановка станет настоящим хитом. Даже вам ее не испортить.

– Так и напишем на афише, – подхватил Брайан. – «Даже Габри не испортит».

Он развел руки в стороны, обозначая громадную афишу.

Рейн-Мари рассмеялась и подумала, что так оно, возможно, и будет – хороший маркетинговый ход.

– А у вас какая роль? – спросила Изабель у Мирны.

– Владелица пансиона. Я хотела играть ее как мужчину-гея, но поскольку Габри застолбил эту территорию, то я решила пойти другим путем.

– Она играет владелицу пансиона – крупную чернокожую женщину, – сказал Габри. – Гениально.

– Спасибо, дорогой, – откликнулась Мирна, и они обменялись воздушными поцелуями.

– Видела бы ты их постановку «Стеклянного зверинца»!⁶ – сказал Арман и округлил глаза, словно намекая, что Изабель увидела бы именно то, что она и предполагает.

– Кстати, вы говорили с Кларой? – спросила Антуанетта у Мирны. – Она согласится?

– Нет, не думаю, – ответила Мирна. – Она еще не пришла в себя.

– Ей нужно отвлечься, – заметил Габри.

Изабель посмотрела на сценарий в руках Антуанетты.

– «Она сидела и плакала», – прочитала она. – Комедия?

Антуанетта рассмеялась и протянула ей сценарий:

– Все не так мрачно, как может показаться.

– Напротив, все замечательно, – сказала Мирна. – И очень смешно.

– Ну, мне пора. – Изабель поднялась. – Я смотрю, футбольный матч закончился.

На деревенском лугу взрослые и дети прекратили играть и уставились на каменный мост через речушку Белла-Белла, по которому в сторону деревни с криком бежал парнишка.

– Господи! – застонал Габри, глядя в окно быстро. – Неужели опять?

Мальчишка остановился на краю луга и принялся бешено махать палкой. Поскольку никто не прореагировал, он стал озираться по сторонам, и его взгляд уперся в быстро.

– Прячься! – закричала Мирна. – Спасайся кто может!

– Только не говори мне, что Рут тоже идет, – испуганно сказал Габри.

Но было слишком поздно. Мальчишка вбежал в дверь и оглядел собравшихся. Наконец его блестящие глаза остановились на Гамаше.

– Вы здесь, patron, – выпалил мальчик, подбегая к нему. – Идемте со мной! Скорее!

Он схватил Гамаша за руку и попытался стащить этого крупного мужчину со стула.

– погоди, – сказал Арман. – Успокойся. Объясни, что случилось.

Мальчишка был весь в грязи, словно его изрыгнул лес. В волосах мох, листья, веточки, одежда порвана, в расцарапанных грязных руках палка размером с трость.

– Вы не поверите, что я нашел в лесу. Идемте. Скорее!

– Что на сей раз? – спросил Габри. – Единорог? Космический корабль?

⁵ Да (фр.).

⁶ «Стеклянный зверинец» – автобиографическая пьеса Теннесси Уильямса, принесшая ему первый громкий успех.

– Нет, – обиженно произнес мальчик. Он снова посмотрел на Гамаша. – Такая большая. Огромная.

– Что именно? – спросил Гамаш.

– Не подначивайте его, Арман, – сказала Мирна.

– Пушка, – ответил мальчик и увидел искорку интереса в глазах Гамаша. – Здоровенная пушка, старший инспектор. Вот такая. – Он взмахнул руками, и палка ударилась о соседний столик, сбив на пол стаканы.

– Ну все, – сказал Габри, вставая. – Хватит. Дай-ка ее мне.

– Не отдам! – заявил мальчик, защищая палку.

– Либо ты мне ее отдашь, либо уйдешь отсюда. Извини, но здесь больше никого нет с древесными ветками.

– Это не ветка, – возразил мальчик. – Это ружье, которое может превращаться в меч.

Он принялся размахивать палкой, но тут к нему подошел Оливье и ухватил ее. В другой руке он держал швабру и совок.

– Убери-ка тут, – велел Оливье хоть и дружеским, но твердым голосом.

– Ладно. Держите. – Мальчик протянул палку Гамашу. – Если со мной случится что-то плохое, вы будете знать, что делать. – Он посмотрел на Гамаша с необычайной серьезностью. – Я вам доверяю.

– Понятно, – так же серьезно произнес Гамаш.

Мальчик начал подметать, а Арман прислонил палку к стулу, отметив, что на ней метки и зазубрины, а еще вырезано имя мальчика.

– Чего он хочет на сей раз? – спросил Жан Ги Бовуар. Вместе с Анни он вошел в бистро и тоже стал свидетелем неистового подметания пола. – Предупреждает о нашествии марсиан?

– Это случилось на прошлой неделе.

– Oui. Я забыл. Может, ирокезы вышли на тропу войны?

– С этим покончено, – сказал Арман. – Мир восстановлен. Мы вернули им землю.

Он посмотрел на мальчика, который перестал мести и оседлал метлу, словно жеребца, а совок использовал как щит.

– Милый парнишка, – заметила Анни.

– Милый? Это Годзилла милая. А он – чистый ужас, – сказал Оливье, ссаживая мальчика с «жеребца» и направляя его усилия на разбитые стаканы.

– Мы поначалу тоже считали, что он забавный. Настоящий маленький человек с характером. Но потом он прибежал сюда и начал рассказывать, что его дом горит, – сказал Габри.

– А дом не горел? – спросила Анни.

– А вы как думаете? – ответил ей вопросом Оливье. – Вся наша добровольная пожарная команда помчалась туда, и что они увидели? Что Ал и Иви преспокойно работают у себя в саду.

– Мы пытались поговорить с его родителями, – сказал Габри. – Но Ал только рассмеялся и сказал, что не сможет остановить Лорана, даже если бы захотел. Уж такая у него природа.

– Наверно, так оно и есть, – кивнула Мирна.

– Ну да, землетрясения и торнадо – тоже часть природы, – сказал Габри.

– Так вы правда считаете, что Клару не удастся убедить помочь нам с декорациями? – спросил Брайан. – До премьеры всего несколько недель, и помощь нам бы не помешала. Пьеса и в самом деле выдающаяся, хотя и неизвестно, кто ее написал.

– Что? – удивилась Изабель Лакост. Она взглянула на обложку сценария и только теперь обратила внимание, что имени автора нет. – Никто не знает? Даже вы?

– Ну, мы-то знаем, – ответила Антуанетта. – Просто не говорим.

– Поверьте мне, – сказал Габри, – мы спрашивали. Я думаю, ее написал Дэвид Бекхэм.

– Да ведь он... – начал Жан Ги, но Мирна перебила его:

– Не дергайтесь. На прошлой неделе он решил, что пьесу написал Марк Уолберг. Пусть себе фантазирует. И я пофантазирую. Дэвид Бекхэм, – проговорила она мечтательным голосом. – Он должен прийти на премьеру. Один. Они с Викторией разругались.

– Он остановится в нашей гостинице, – продолжил Габри. – От него будет пахнуть кожей и лосьоном «Олд спайс».

– Ему понадобится книга для чтения перед сном, – сказала Мирна. – И я принесу ему какую-нибудь...

– Ну все, хватит, – сказал Жан Ги.

– Я хочу послушать дальше, – заявила Рейн-Мари, и Арман с усмешкой посмотрел на нее.

– Вы никогда не догадаетесь, кто написал пьесу, – сказал Брайан. Он рассмеялся и ткнул пальцем в то место, где было вымарано имя. – Вы его не знаете. Это парень по имени Джон Флеминг.

– Брайан! – прикрикнула на него Антуанетта.

– Что?

– Мы же решили, что никому не будем говорить.

– Да про него никто даже не слышал, – сказал Брайан.

– Но в этом-то весь смысл, – проворчала Антуанетта. – Ты геодезист, что ты знаешь о маркетинге? Я хотела создать атмосферу тайны, подозрений. Чтобы люди думали, что пьесу написал Мишель Трамбле⁷ или что это потерянное творение Теннесси Уильямса.

– Или Джорджа Клуни, – подхватил Габри.

– О-о-о, Джордж Клуни... – пропела Мирна, снова закатив глаза.

– Джон Флеминг? – переспросил Гамаш. – Вы не возражаете?

Он взял сценарий со стола и уставился на название. «Она сидела и плакала».

– Мы связались с людьми, которые занимаются авторскими правами, чтобы узнать, кому мы должны платить за разрешение, но у них такая пьеса ни под каким именем не числится, – сказал Брайан, словно оправдываясь перед полицейскими.

У сценария, который держал в руках Арман, были обтрепаны уголки, бумага покрыта кофейными пятнами, испещрена записями.

– Распечатка старая, – заметила Рейн-Мари.

Шрифт был неровный – не чистый, компьютерный, а корявый шрифт пишущей машинки. Арман кивнул.

– Что там? – тихо спросила она.

– Ничего. – Он улыбнулся, но лучики смеха не побежали от уголков его глаз.

– Я тоже играю роль, – сказал Брайан, поднимая свой экземпляр рукописи.

– Моего соседа-гея, – объяснил им Габри.

– Никакой он не гей, так же как и ваш персонаж, – сердито фыркнула Антуанетта.

– Только не говорите об этом Оливье, – сказала Мирна. – Он будет немного разочарован.

– И очень удивлен, – добавил Габри.

Мальчишка, к порванной куртке и джинсам которого все еще цеплялись пожухлые листья, закончил сметать разбитое стекло и вернулся к столику Гамаша.

– Просто чтобы вы знали, – сказал он, протягивая метлу и совок Оливье. – Я совершенно уверен, что там есть алмазы.

– Merci, – поблагодарил его Оливье.

– Ну-ка, – сказал Арман, вставая и возвращая парнишке палку. – Время уже позднее. Бери свой велосипед. Я засуну его в машину и отвезу тебя домой.

– Пушка и вправду была очень, очень большая, patron, – сказал парнишка, следуя за месье Гамашем из бистро. – Не меньше этого дома. А на ней монстр. С крыльями.

⁷ Мишель Трамбле – канадский драматург и прозаик.

– Я тебе верю, – услышали они слова Армана. – И не допущу, чтобы монстр тебя унес.

– А я защищу вас, – сказал мальчишка и так замахнулся палкой, что ударил Армана по колену.

– Надеюсь, у вас есть в запасе новый муж, – сказала Антуанетта. – Не уверена, что этот дойдет до машины живым.

Они наблюдали за Арманом, который уложил велосипед в багажник «вольво», потом сунул палку на заднее сиденье. Но мальчик вытащил ее и, судя по всему, не собирался с ней расставаться. Он и шагу не делал без палки в руках. Ведь мир – такое опасное место.

Арман признал поражение и сдался, хотя они видели, что он все еще пытается внедрить в голову паренька некие основные правила жизни.

– Я бы на вашем месте сейчас же посетила сайт знакомств, – сказала Мирна, повернувшись к Рейн-Мари.

Через несколько километров мальчишка спросил у Гамаша:

– Что вы напеваете?

– Разве я напевал? – удивился Гамаш.

– Oui. – Парнишка идеально воспроизвел мелодию.

– Это называется «На реках Вавилонских», – сказал Арман. – Псалом.

Джон Флеминг. Джон Флеминг. Это имя вызвало у Гамаша ассоциацию с псалмом, хотя он и не мог понять почему.

Он подумал, что это не может быть тот самый человек. Имя распространенное. А он видит призраков там, где их нет.

– Мы не ходим в церковь, – заговорил парнишка.

– И мы тоже, – сказал Арман. – А если и ходим, то редко. Хотя я иногда захожу посидеть в церквушку в Трех Соснах, если там никого нет.

– Зачем?

– Там очень спокойно.

Парнишка кивнул:

– Я иногда сижу в лесу, потому что там спокойно. Но туда непременно слетаются инопланетяне.

Мальчишка снова стал выводить тонким голоском мелодию, которую Гамаш знал очень давно.

– Откуда ты знаешь эту песню? – спросил Гамаш. – Она вышла из моды задолго до твоего рождения.

– Папа поет ее мне каждый вечер перед сном. Это песня Нила Янга. Папа говорит, что он гений.

Гамаш кивнул:

– Согласен с твоим отцом.

Мальчишка крепче обхватил палку.

– Я надеюсь, она у тебя на предохранителе, – сказал Гамаш.

– Ну да. – Лоран повернулся к Гамашу. – Та пушка настоящая, patron.

– Oui, – согласился Гамаш.

Но он не слушал. Он смотрел на дорогу и думал о мелодии, застрявшей в его голове.

На реках Вавилонских
Мы сидели и плакали.

Однако пьеса называлась иначе. Пьеса называлась «Она сидела и плакала».

Тот Джон Флеминг не мог написать эту пьесу. Он не писал пьес. А если бы и написал, то ни один режиссер в здравом уме не взялся бы за ее постановку. Вероятно, речь идет о другом человеке с таким же именем.

Мальчик, сидевший рядом с ним, смотрел в окно, за которым уплывали назад пейзажи ранней осени, и сжимал в руках палку чуть ниже того места, где отец вырезал его имя.

Лоран. Лоран Лепаж.

Глава третья

Когда Гамаш вернулся, приглашенные на обед гости уже собрались и теперь выпивали, ели яблоки и сальсу из авокадо с кукурузными хлопьями.

– Вижу, ты благополучно довез Лорана до дома, – заметила Рейн-Мари, встретив его у двери. – Нашествия инопланетян не случилось?

– Мы пресекли его в зародыше.

– Не совсем, – возразил Габри, стоявший у двери в кабинет. – Один сумел просочиться сквозь защитные сооружения.

Арман и Рейн-Мари заглянули в маленькую комнату при гостиной, где сидела в кресле и читала пожилая костлявая женщина со стрелками на чулках и с пятнами на свитере.

– Пробился самый опасный, – удрученно вздохнул Габри.

На них пахло ароматом джина. На коленях у женщины сидела утка, а Анри, немецкая овчарка Гамашей, лежал, свернувшись клубком, у ног старухи и восторженно смотрел на утку.

– Можешь не встречать меня у дверей, – сказал Арман псу. – Я перебуюсь. Правда.

Он взглянул на собаку и покачал головой. До чего же странные формы принимает любовь. Однако Анри явно прогрессировал: до этого он был влюблен в подлокотник дивана.

– Первым признаком проникновения был запах джина, – сказал Габри. – Кажется, ее раса только им и питается.

– Что будет на обед? – спросила их соседка Рут Зардо, с трудом вставая с кресла.

– И давно вы здесь? – спросила Рейн-Мари.

– А какой сегодня день?

– Я думал, ты сегодня забиваешь дубинкой детенышей тюленя, – сказал Габри, подхватывая Рут под руку.

– Этим я займусь на следующей неделе. Ты что, не читаешь обновления у меня в «Фейсбуке»?

– Комик.

– Гомик.

Рут похромала в гостиную. Утка Роза вразвалочку прошествовала за ней. А за уткой последовал Анри.

– А ведь когда-то я был главой отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, – задумчиво протянул Гамаш, глядя на это шествие.

– Я в это не верю, – сказала Рейн-Мари.

– Bonjour, Рут, – сказала Антуанетта.

Рут, которая только теперь заметила, что в комнате есть кто-то еще, посмотрела на Антуанетту и Брайана, потом на Мирну:

– Они-то что здесь делают?

– Нас пригласили, в отличие от тебя, пьяная маразматичка, – сказала Мирна. – Как ты можешь быть поэтессой и ничего и никого вокруг не замечать?

– Мы что, знакомы? – спросила Рут и повернулась к Рейн-Мари: – А где придурок?

– Они с Анни уехали в город вместе с Изабель и детишками, – ответила Рейн-Мари.

Она знала: ей следовало бы отчитать Рут за то, что та называет ее зятя придурком, но старая поэтесса называла Жана Ги придурком так давно, что Гамаша к этому уже привыкли. Даже Жан Ги откликался на придурка. Но только если его так называла Рут.

– Я видела, как мальчишка Лепаж опять стрелой выскочил из леса, – сказала Рут. – Что на сей раз? Зомби?

– Вообще-то, мне кажется, он растревожил гнездо поэтов, – ответил Арман. Он взял бутылку красного вина и принялся доливать в бокалы гостей, а себе положил сальсу, приправленную медом и лаймом. – И пришел от этого в ужас.

– Поэзия пугает большинство людей, – сказала Рут. – Я знаю, что моя точно пугает.

– Пугаете их вы, Рут, а не ваши стихи.

– О да. Так даже лучше. И что говорит мальчишка? Что он там видел?

– Гигантскую пушку, а на ней монстра.

Рут кивнула, явно впечатленная.

– Воображение не такая уж плохая вещь, – сказала она. – Мальчишка напоминает мне меня в его возрасте, и посмотри, что из меня получилось.

– Никакое это не воображение, – сказал Габри. – Просто откровенная ложь. Я не уверен, что парнишка вообще отличает правду от лжи. А ты что думаешь? – спросил он у Мирны. – Ты же мозгоправ.

– Я не мозгоправ, – обиделась Мирна.

– Шутишь! – фыркнула Рут.

– Я психотерапевт, – сказала Мирна.

– Ты библиотечка, – возразила Рут.

– В последний раз тебе говорю, – сказала Мирна. – У меня книжный магазин. Прекрати таскать оттуда книги. Впрочем, бог с тобой. – Она махнула рукой на Рут, которая улыбалась, глядя в стакан, и повернулась к Габри. – О чем мы говорили?

– О Лоране. Он не сумасшедший? Хотя я и понимаю, что здесь планка здравомыслия стоит очень низко. – Он посмотрел на Рут, которая о чем-то разговаривала с Розой.

– Вообще-то, так сразу не скажешь. В своей практике я встречала много людей, которые теряли связь с реальностью. Но я говорю о взрослых людях. У детей грань между реальностью и воображением размыта, однако с возрастом становится все четче.

– Не знаю, к худу это или к добру, – вставила Рейн-Мари.

– То, с чем сталкивалась я, было к худу, – сказала Мирна. – У моих клиентов галлюцинации часто носили параноидальный характер. Они слышали голоса, видели всякие ужасы. И совершали всякие ужасы. Лоран, как мне кажется, счастливый ребенок. Хорошо приспособившийся к обстоятельствам.

– Невозможно одновременно быть счастливым и приспособившимся, – возразила Рут, у которой одна только эта мысль вызвала смех.

– Вряд ли он хорошо приспособился, – сказала Антуанетта. – Слушайте, я совсем не против воображения. Театр живет за счет воображения. Зависит от него. Но я согласна с Габри. Здесь есть кое-что еще. Не пора ли ему вырасти? Как это называется, когда человек не понимает последствий своих поступков или не думает о них?

– Рут Зардо? – предположил Брайан.

Наступила неожиданная тишина, затем последовал взрыв смеха. Смеялись все, включая и Рут.

Брайан Фицпатрик был человеком неразговорчивым, но если открывал рот, то нередко попадал в самую точку.

– Не думаю, что Лоран психопат, если вы об этом спрашиваете, – сказала Мирна. – Не в большей степени, чем любой другой мальчишка. У некоторых воображение настолько сильно, что оно берет верх над реальностью. Но я уже сказала, что они вырастают из этого. – Она посмотрела на Рут, которая гладила свою утку и что-то ей напевала. – По крайней мере, большинство из них.

– Один раз он заявил, что его одноклассницу похитили, – сказал Брайан. – Вы помните?

– Правда? – спросил Арман.

– Да. Потребовалась целая минута, чтобы понять, что он врет. Но минута была долгая. Родители девочки находились в бистро, когда он прибежал со своей новостью. Сомневаюсь, что они когда-нибудь придут в себя после шока или смогут его простить. Он не самый популярный мальчишка в округе.

– Зачем он лжет? – спросила Рейн-Мари.

– Ваши дети тоже, наверное, приходили к вам с выдумками, – сказала Мирна.

– Да, случалось, но никогда ничего столь серьезного...

– И столь образного, – заметила Антуанетта. – Он умеет дорого продать свои выдумки.

– Может быть, он просто хочет привлечь к себе внимание, – сказала Мирна.

– О господи, разве ты не ненавидишь таких людей? – пробормотал Габри.

Он пристроил морковку себе на нос и пытался удержать ее там.

– Тут один тюлень напрашивается, чтобы его забили дубинкой, – сказала Мирна.

Рут прыснула со смеху, потом уставилась на Мирну:

– А ты разве не должна быть в кухне?

– А ты разве не должна вырезать дырки в простыне? – парировала Мирна.

– Слушай, мне нравится мальчишка, но давай смотреть правде в глаза, – сказала Рут. –

Он был обречен с момента зачатия.

– Что вы имеете в виду? – спросила Рейн-Мари.

– Да ты посмотри на его родителей.

– На Ала и Ивлин? – уточнил Арман. – Мне они нравятся. Кстати, вспомнил. – Он пошел к дверям и поднял с пола полотняную хозяйственную сумку. – Это мне Ал дал.

– Боже мой, – сказала Антуанетта. – Только не говорите мне...

– Яблоки.

Арман взвесил сумку в руке и улыбнулся. Когда он завез Лорана, отец мальчика встретил его на веранде, где отбирал и сортировал свеклу для наборов органических продуктов.

Ала Лепаж было невозможно перепутать с кем-нибудь другим. Если бы гора ожила, она походила бы на отца Лорана. Мощный, с рублеными чертами лица, с длинными седыми волосами, завязанными в хвостик, который не распускался, наверное, с семидесятых.

Окладистая борода, тоже поседевшая, закрывала большую часть его груди, так что клетчатую фланелевую рубашку было и не разглядеть. Иногда борода отпускалась на свободу, иногда заплеталась косичками, а иногда, как сегодня, когда Гамаш заехал к нему, была, как и волосы на голове, схвачена в хвостик, словно ее подготовили к узелковой окраске.

Рут однажды сказала про него, что он конь с двумя задницами.

– Привет, коп, – сказал Ал, когда Арман остановил машину и Лоран выпрыгнул из нее.

– Привет, хиппи, – ответил Арман, подходя к багажнику.

– Что он сегодня натворил, Арман? – спросил Ал, когда они вытаскивали из машины велосипед.

– Ничего. Только немного похулиганил в бистро.

– Что на этот раз? Зомби? Вампиры? Монстры? – спросил отец Лорана.

– Монстр, – ответил Лоран, закрывая заднюю дверь. – Всего один.

– Что-то ты стал мелочиться, – заметил Ал.

– Он был на громадной пушке, папа. Она больше дома.

– Иди-ка умойся к обеду. Грязный, как черт. И побыстрее, пока мать тебя не увидела.

– Слишком поздно, – раздался женский голос.

Арман повернулся и увидел Ивлин на веранде – она стояла, уперев руки в широкие бедра и покачивая головой. Ивлин была гораздо моложе Ала – лет на двадцать как минимум, а значит, ей было около сорока пяти. Она вышла на веранду в широкой юбке до щиколоток и такой же, как у мужа, клетчатой фланелевой рубашке. Волосы она тоже стягивала в хвостик, но несколько прядей выбились и ниспадали на ее грубоватое лицо.

- Что ты отмочил на сей раз? – спросила она Лорана со смесью иронии и долготерпения.
- Я нашел в лесу пушку.
- Да?

Ивлин явно встревожилась, и Гамаш в который уже раз удивился тому, что она продолжает верить сыну. То ли из любви, то ли и сама страдает той же манией, что и Лоран. Мощное сочетание безумия и способности выдавать желаемое за действительное.

- Она по ту сторону моста. В лесу.

Лоран показал направление палкой, чуть не задев Гамаша по лицу.

- И где она теперь? – спросила его мать. – Ал, может быть, сходим посмотрим?

- Не спеши, Иви, – ответил ей муж низким терпеливым голосом.

- Она огромная, мама. Больше дома. А на ней монстр. С крыльями.

– Ох-ох-ох, – сказала Ивлин. – Спасибо, что привезли его, Арман. Вы уверены, что не хотите взять его на время себе?

- Мама!

- Иди в дом и умойся. У нас на обед белка.

- Опять?

Гамаш улыбнулся. Он никогда не знал, всерьез они говорят о своих блюдах или нет. Вообще-то, он думал, что они – вегетарианцы. Он знал, что они стараются жить на самообеспечение и продают органические продукты в корзинках. Среди их клиентов были и Гамаша.

Зимой Лепажі сводили концы с концами, читая лекции о здоровом образе жизни. Гамашу казалось величайшим чудом, что эти двое нашли друг друга. Как Анри и Роза. И еще было чудом, что Ал и Иви произвели на свет ребенка, в их-то годы. Одно чудо породило другое. Дикое дитя.

- Почему ты всегда находишь оружие? – спросил Ал.

– Ведь ты сам подарил ему палку на день рождения, – напомнила Иви. – Теперь он только тем и занят, что стреляет по монстрам, которые прячутся за мебелью. Я вам даже сказать не могу, сколько раз меня скосили его пули, – доверительно сообщила она Арману.

– Подразумевалось, что это волшебная палочка, – сказал Ал. – В крайнем случае – меч. Но не ружье. Я бы никогда не подарил ему ружье. Я ненавижу ружья.

– Ты дал ему палку и воображение, – сказала Иви. – И что, по-твоему, девятилетний ребенок будет с этим делать?

- Я подарил ему волшебную палочку, – пожаловался Ал Гамашу.

Арман улыбнулся. Если бы он на девятилетие подарил своему сыну Даниелю палку, то и двадцать лет спустя тот лил бы слезы. Какой мальчишка не только примет палку в подарок, но и не будет благоговеть перед ней?

– Передайте привет Рейн-Мари, – сказала Иви. – Следующая корзинка почти готова, мы заканчиваем убирать урожай. А пока возьмите это.

Она протянула ему сумку с яблоками.

- Мерсі, – поблагодарил он, стараясь выразить голосом искренность и удивление.

Иви пошла в дом, и Ал последовал за ней, но у двери повернулся к Гамашу:

- Спасибо, что привезли его.

- Не за что. Он у вас замечательный.

- Он сумасшедший, но мы его любим. – Ал покачал головой. – Пушка.

«Монстр», – подумал Гамаш, садясь в машину и направляясь домой.

Но монстр, о котором он думал, был порожден не воображением Лорана. Монстр Гамаша принадлежал реальности. Имел имя и тело, но, как подозревал Гамаш, не сердце.

– Почему вы не любите родителей Лорана? – спросила Рейн-Мари у Рут, поставив на стол блюдо с тушеной курицей и пельменями с зеленью.

Они перешли в большую кухню и расселись за сосновым столом. Антуанетта нарезала хлеб, а Габри перемешивал салат.

– К ней у меня нет претензий, – ответила Рут, ставя стакан на стол и оглядывая всех. – Только к нему. Он трус.

– Ал Лепаж? – спросил Брайан. – Я слышал, что он уклонился от службы в армии, но ведь это еще не означает, что он трус, правда?

Рут и Роза смерили его гневным взглядом, но ничего не сказали.

– Они в то время сами были детьми, а их призывали на чужую для них войну, – сказал Арман. – Они бросили свои дома, семьи и друзей, приехали сюда. Не самый легкий выбор. Они отстаивали свою точку зрения. Думаю, они были далеко не трусы. Мне Ал нравится.

– Отстаивали точку зрения с помощью бегства? – сказала Рут. – Вместо него взяли кого-то другого. Ты считаешь, его это волнует?

– Всю эту деревню основали люди, бежавшие от войны, в которую они не верили, – возразила Мирна. – Три сосны – старый символ убежища.

– Скорее психиатрической лечебницы, – заметил Габри.

– Я знаю историю нашей деревни, – проворчала Рут.

– Давайте поменяем тему, – предложил Брайан. – Вы собираетесь присоединиться к Труппе Эстри?

– Присоединиться? – переспросил Арман, взглянув на жену.

– Я подумала, это будет забавно.

– Забавно-забавно, – заверил их Габри. – Приходите завтра на репетицию, и сами увидите. Я оставлю вам мой экземпляр пьесы – почитайте.

– Отлично, я приду. Когда? – спросила Рейн-Мари.

– В семь часов, – ответил Брайан. – Наденьте что-нибудь, что не жалко. Мы будем красить. А вы, Рут?

– Пожалуй, у тебя это хорошо получится, – вмешался Габри. – Ты уже столько лет притворяешься человеком.

– Хотя и не очень убедительно, – сказала Мирна. – Я ей никогда не верила.

Но Рут впала в ступор, погрузившись в размышления.

Когда трапеза закончилась, Рейн-Мари сказала:

– Давайте теперь в гостиную. Тарелки оставьте. Анри вылизет их дочиста.

Гости, встававшие из-за стола, переглянулись, но потом увидели, что Рейн-Мари улыбается. В гостиной Арман подбросил еще полено в камин и вытянул руки ладонями к огню.

– Тебе холодно? – спросила Рейн-Мари. – Ты не заболел?

Она потрогала его лоб.

– Нет, просто что-то стало зябко, – ответил он.

Подошла Антуанетта и, кивнув в сторону камина, сказала:

– В сентябре огонь в самый раз, правда? Веселый. А в июне нагоняет тоску.

Рейн-Мари рассмеялась и направилась к Рут. Антуанетта повернулась, чтобы отойти, но Гамаш окликнул ее.

– Ваша пьеса, – тихо сказал он.

– Да?

– Брайан сообщил, что ее автор – Джон Флеминг.

Антуанетта замерла, изучая его своими светлыми глазами.

– Он не должен был говорить.

– Но он уже сказал. Почему вы держите это в тайне?

– Я уже сказала: маркетинг. Пьеса новая, и мы должны делать все, чтобы подогреть интерес.

– Известный драматург вряд ли привлечет телекамеры.

– Поначалу – вероятно, да. Но это не какая-то рядовая работа неизвестного автора, Арман. Вещь блестящая. Я работала много лет, работала в профессиональных и любительских театрах, и эта пьеса – одна из лучших.

– Для любительского театра, – сказал Гамаш.

– Для любого. Вот подождите и сами увидите. Она уровня Миллера, Стоппарда и Трамбле. «Наш городок»⁸ плюс «Суровое испытание»⁹.

Гамаш часто слышал преувеличения, в особенности от людей театральных, так что не удивился словам Антуанетты.

– Я не оспариваю качество работы, – сказал он, понижая голос так, что его было едва слышно за потрескиванием огня, пожиравшего сухое дерево. – Я думаю об авторе.

– Ничего не могу вам про него сказать.

– Вы с ним встречались? – спросил Гамаш.

После некоторой заминки Антуанетта ответила:

– Нет. Брайан нашел рукопись среди бумаг моего дядюшки после его смерти.

– А почему вы вымарали имя автора?

– Я уже говорила. Чтобы подогреть интерес. После премьеры все захотят узнать, кто автор пьесы.

– И что вы им скажете?

Теперь Антуанетта насторожилась по-настоящему.

– Кто написал «Она сидела и плакала»? – вполголоса спросил Гамаш.

– Брайан же сказал: человек по имени Джон Флеминг.

– Я знаю одного Джона Флеминга, – сказал Гамаш. – И вы тоже его знаете. И все знают. –

Он сурово посмотрел на нее. – Это тот самый Джон Флеминг?

– Не знаю, – ответила она после паузы.

Он не сводил с нее взгляда, пока она не покраснела.

– Нет, знаете.

– Знает что? – поинтересовался Габри, предлагая им кофе.

Он слишком поздно заметил напряжение, возникшее между двумя собеседниками.

– Пожалуйста, скажите мне, что это другой человек, – взмолился Гамаш, вглядываясь в глаза Антуанетты. А потом его лицо обмякло, и он прошептал: – Бог мой, это тот самый, правда?

– Кто «тот самый»? – спросил Габри, жалея, что уже поздно отступать.

– Вы сами ему скажете? – спросил Арман. – Или мне сказать?

– Сказать ему что? – подхватила подоспевшая к ним Мирна.

Арман прошел к столику у двери, где Габри оставил свою копию сценария.

– Скажите всем, кто автор пьесы, – велел он, протягивая рукопись Антуанетте. – Назовите им истинную причину того, почему вы не хотели, чтобы они знали.

Услышав его требовательный голос, Рейн-Мари с тревогой посмотрела на мужа. Он подошел опасно близко к тому, чтобы оскорбить гостью. За всю их совместную жизнь такого еще не случалось. Конечно, не все их гости ему нравились и не со всеми он соглашался, но всегда оставался в рамках приличий.

Однако теперь он наступил на черту, а затем и пересек ее, всучив рукопись Антуанетте.

– Скажите им, – повторил он.

Она взяла рукопись, потом повернулась к другим гостям:

– Пьесу написал Джон Флеминг.

– Мы уже знаем, – кивнула Мирна. – Брайан сказал нам днем в бистро, помните?

⁸ «Наш городок» – пьеса Торнтон Уайлдера.

⁹ «Суровое испытание» – пьеса Артура Миллера.

– Это и должно привлечь всеобщее внимание? – спросил Габри. – Ваш блестящий маркетинговый план? Имя вряд ли известное.

– Напротив, очень даже известное, – возразил Арман. – Его знает вся Канада. Вся Северная Америка. Он знаменит. Печально знаменит.

Все пребывали в искреннем недоумении, озадаченные поведением и настойчивостью Гамаша. Но тут Мирна начала медленно оседать. Если бы у нее за спиной не стоял диван, она свалилась бы на пол. Брайан успел забрать у нее чашку с блюдцем, прежде чем она расплескала чай.

– Тот самый Джон Флеминг? – прошептала Мирна.

Габри, в отличие от нее, застыл на месте, словно превратился в гранит при взгляде на Антуанетту. На Медузу, затесавшуюся в их среду.

– Это неправда, – пробормотал он. – Скажите, что это неправда.

Оказавшись дома, Рут повернула ключ в замке и прислонилась к двери. Сердце ее колотилось, дыхание было учащенным и прерывистым. Она прижимала к груди Розу, наваливаясь на тонкое дерево двери. Это было все, что защищало ее и Розу от враждебного мира, который произвел на свет божий некоего Джона Флеминга.

Затем она задернула занавески и вытащила из авоськи украденный сценарий.

Приготовив себе чашку чая, Рут открыла пьесу и принялась читать.

Вечеринка закончилась, и Арман отправился в кухню. Рейн-Мари слышала шум льющейся из крана воды и позвякивание тарелок и приборов.

Потом позвякивание прекратилось, и остался только шум воды. Рейн-Мари пошла в кухню, но остановилась в дверях. Арман склонился над раковиной, вцепившись в нее большими руками, словно боялся, что его вот-вот вырвет.

– Ты все еще намерена пойти завтра на репетицию? – спросил Габри, пока они с Мирной шли домой.

– Пожалуй. Не знаю. Я... Я...

– Я знаю. И я тоже.

Габри поцеловал ее на прощание в обе щеки и отправился в бистро помогать Оливье обслуживать последних клиентов. Мирна поднялась по лестнице в свою квартиру на чердаке над магазином, надела пижаму и только тут поняла, что устала, а сна у нее ни в одном глазу. Она посмотрела в окно и увидела свет в доме Клары.

Было одиннадцать часов вечера.

Набросив на плечи шаль и натянув резиновые сапоги, Мирна прошла по краю деревенского луга, постучала в дверь и вошла.

– Клара?

– Я здесь.

Мирна нашла подругу в ее мастерской – та сидела перед незаконченным полотном. На нее смотрел призрак Питера Морроу. Полузавершенный. Получеловек в незаконченной жизни.

На Кларе был спортивный костюм, во рту она держала кисть, словно Франклин Рузвельт в юбке¹⁰. Волосы, по которым она слишком часто проводила пятерней, торчали в разные стороны.

– Обедала пиццей? – спросила Мирна, выуживая гриб из волос Клары.

– Да. Рейн-Мари меня приглашала, но я была не в настроении.

¹⁰ Президент США Франклин Рузвельт имел привычку держать во рту мундштук с сигаретой, известно множество его фотографий с мундштуком.

Мирна взглянула на мольберт и сразу поняла, почему Клара не в настроении. Ее подруга снова впала в одержимость портретом. Даже мертвый, Питер по-прежнему умудрялся разрушать искусство жены.

– Хочешь поговорить? – спросила Мирна, подтаскивая к себе табуретку.

Клара положила кисть и с такой яростью провела рукой по седеющим волосам, что из них посыпались кусочки пеперони и хлебные крошки.

– Я больше не понимаю, что делаю, – сказала Клара, показывая на портрет. – Словно впервые в жизни взяла в руки кисть. О боже, что, если я не сумею?

Она в панике посмотрела на Мирну.

– Сумеешь, – заверила ее Мирна. – Может быть, ты просто пишешь не тот портрет. Может быть, еще слишком рано писать портрет Питера.

Питер как будто наблюдал за ними. На его красивом лице застыла едва заметная улыбка. Мирна спросила себя, осознает ли Клара, что уже сумела передать главное в своем покойном муже. Мирна очень хорошо относилась к Питеру, но прекрасно понимала, каким сукиным сыном тот бывал. Вот таким, как на картине Клары. И еще Мирна не могла понять, добавляет ли Клара что-нибудь к портрету или убавляет от него. Не делает ли она Питера все менее и менее материальным?

Она отвернулась, слушая рассказ Клары о том, что произошло. С Питером. Мирна хорошо знала эту историю. Она была там, когда это случилось.

Но все же не прерывала подругу. Выслушивала ее снова и снова.

И с каждым разом Клара избавлялась от частички невыносимой боли. От собственного чувства вины. От печали. Клара словно вытаскивала себя из океана, она все еще источала горе, но больше не тонула.

Клара высморкалась и отерла слезы.

– Как у Гамашей – интересно было? – спросила она. – И вообще, который теперь час? Почему ты в пижаме?

– Сейчас половина двенадцатого, – сказала Мирна. – Мы можем пройти в кухню?

«Подальше от этой чертовой картины», – подумала Мирна.

– Чай? – спросила Клара.

– Пиво? – предложила Мирна и вытащила из холодильника две бутылки.

– Что случилось? – спросила Клара.

– Ты знаешь, что я поступила в Труппу Эстри, – сказала Мирна.

– Только не проси меня опять делать им декорации, – всполошилась Клара.

Поскольку Мирна не ответила, Клара поставила пиво и потянулась к руке подруги:

– Что случилось?

– Пьеса, которую мы ставим. «Она сидела и плакала»...

– Мюзикл?

Но Мирна не улыбнулась:

– Антуанетта вымарала имя автора на рукописи. Она хотела сохранить его в тайне.

Клара кивнула:

– Вы с Габри так радовались, думали, что автор, возможно, Мишель Трамбле или Леонард Коэн.

– Габри надеялся, что это Уэйн Гретцки.

– Уэйн Гретцки – хоккеист, – возразила Клара.

– Ну ты же знаешь Габри, – сказала Мирна. – Как бы то ни было, Антуанетта сказала, что она хочет привлечь внимание, разбудить интерес. Заставить людей говорить о постановке.

– А на самом деле? – спросила Клара, предчувствуя, к чему клонит подруга.

– Как выясняется, пьеса эта знаменита, – сказала Мирна. – Но не в том смысле, в каком мы надеялись. Ее написал Джон Флеминг.

Клара отрицательно покачала головой. Это имя ничего ей не говорило. Но все же ею овладело какое-то неясное чувство, довольно неприятное.

Мирна ждала.

Клара отвела взгляд, пытаясь вспомнить это имя. Этого человека. Джона Флеминга.

– Мы что, знакомы с ним? – спросила она.

Мирна помотала головой.

– Но мы его знаем?

Мирна кивнула.

И тогда Клара вспомнила. Заголовки. Телевизионную картинку: толпа фотографов, отталкивающих друг друга, чтобы сделать снимок маленького человека в аккуратном костюме, которого ведут в суд.

Как же настоящие монстры не похожи на кинематографических!

Джон Флеминг действительно был знаменит.

Рут закрыла последнюю страницу сценария и положила на стопку бумаги руку с набухшими венами.

Потом, приняв решение, она разожгла огонь в камине, взяла сценарий и какое-то время держала его над огнем, обжигаящим ее тонкую кожу. Но все же не смогла сделать это.

– Оставайся здесь, – приказала она Розе, которая наблюдала за ней из своего фланелевого гнездышка.

Отыскав небольшую лопатку, Рут вышла во двор, опустилась на колени и принялась копать. Срезала траву и стала вгрызаться в почву, с трудом преодолевая каждый дюйм, словно земля знала о намерениях старухи и сопротивлялась им. Но Рут не сдавалась. Если бы она решила докопаться до твердой породы, то и тут бы не отступила. Наконец она достигла глубины, отвечающей ее целям.

Рут взяла рукопись и положила в ямку, потом засыпала землей, подгребая ее руками. Она уселась на пятки под темным небом и подумала, не произнести ли что-нибудь. Короткую молитву. Или проклятие?

Наконец она прошептала над перекопанной землей строки из собственного стихотворения:

Вот час настал,
и тьма накрыла свет,
и ничего другого нет;
остались лишь воспоминания...

Она поднялась на ноги, посмотрела вниз и подумала о том, что сделала. И о том, что сделал он.

Воспоминания о страхе¹¹.

Наверное, ей следовало сказать что-нибудь Арману. Но может, все и обойдется. Может быть, оно останется похороненным.

Рут вошла в дом и заперла за собой дверь.

¹¹ Строки из стихотворения «Ожидание» канадской писательницы Маргарет Этвуд.

Глава четвертая

– Наверное, я не буду участвовать в постановке, – сказал Габри.

Утренний наплыв посетителей в бистро сошел на нет, а клиенты, останавливавшиеся в его гостинице на выходные, уехали. Габри сидел в удобном кресле у эркерного окна в книжном магазине Мирны. Мирна сидела напротив него в своем насиженном кресле, которое за долгие годы успело принять ее обширные формы. Рядом с ней на полу стояла стопка книг, ожидающих, когда она наклеит на них ценники и поставит на полки.

Заглянув в окно с улицы, Мирну и Габри можно было бы принять за манекены, если бы не мрачное выражение лиц.

– Я решила не участвовать, – сказала Мирна.

– Правильно ли мы поступаем? – спросил Габри. – Премьера совсем близко, а если мы откажемся, я не знаю, что будет делать Антуанетта.

– Сделает то, что и должна сделать, – раздался из недр магазина голос Клары, изучавшей полку с новыми поступлениями, хотя слово «новые» здесь имело лишь относительное значение. – Снимет пьесу с постановки.

– Ты знаешь, что эта книга была запрещена? – сказала Мирна, увидев в руках у подруги «451 градус по Фаренгейту».

– А ее, часом, не сжигали? – спросила Клара, присоединяясь к ним. – Может быть, огонь в аду из этого и состоит. Из горящих книг. Интересно, они там могут оценить такую иронию?

– Сомневаюсь, – ответила Мирна. – Но не делаем ли и мы то же самое?

– Мы не сжигаем пьесу, – возразил Габри. – Мы просто отказываемся в ней участвовать. Сознательный отказ по этическим соображениям.

– Слушай, если мы отказываемся, то должны посмотреть правде в глаза и сказать, что мы делаем и почему, – произнесла Мирна. – Мы требуем снять пьесу с постановки не из-за ее зловредного содержания, а потому, что нам не нравится человек, который ее написал.

– По твоим словам, тут какой-то личностный конфликт, – возмутился Габри. – Дело же не в том, что нам не нравится Джон Флеминг. Нам не нравится то, что он сделал.

– Тук-тук, – раздался знакомый голос от дверей магазина.

Они повернули голову и увидели Рейн-Мари, Армана и Анри.

– Вышли прогуляться и заметили вас в окне, – сказал Арман.

– Мы не помешали? – спросила Рейн-Мари, видя их лица.

– Нет, – ответила Клара. – Можете догадаться, о чем мы говорим.

Рейн-Мари кивнула:

– О том же, о чем и мы. О пьесе.

– Треклятая пьеса, – выпалила Мирна. – Противно. Я откажусь, и Антуанетта будет ходить с кислой миной. Я чувствую себя скотиной.

– Ты понимаешь, что говоришь в рифму? – спросил Габри. – Противно. Миной. Скотиной. Просто сонет Шекспира.

– Вам кажется, что вы подводите подругу, – сказала Рейн-Мари.

– Отчасти. Но у меня книжный магазин. – Мирна оглядела ряды стеллажей, стоящих вдоль стен и создающих коридоры в пространстве магазина. – Многие из книг были запрещены и сожжены. Вот эта. – Она показала на «451 градус по Фаренгейту», которую все еще держала в руках Клара. – «Убить пересмешника», «Приключения Гека Финна». Даже «Дневник Анны Франк». Все они запрещались людьми, которые считали, что делают благое дело. Может, мы ошибаемся?

– Вы ведь ее не запрещаете, – сказала Клара. – Ему позволено писать, а вам – поддерживать его или нет.

– Но результат тот же. Если мы с Габри откажемся от участия и сообщим правду всем остальным, то постановка будет похоронена. И знаете что? Я не против. Когда Антуанетта узнала об авторстве, она должна была выкинуть из головы все мысли о постановке. Я правильно говорю, Арман?

– Правильно.

Если кто-то ждал колебаний, размышлений над вопросом, то они ошибались. Ответ последовал быстро и не допускал двух толкований.

Арман Гамаш не испытывал абсолютно никаких сомнений. Пьеса никогда не должна увидеть свет. Так же, как и ее автор никогда не должен увидеть света дня.

– Но другие убийцы тоже писали книги, в том числе и пьесы, – возразила Мирна.

– Однако Джон Флеминг – другое дело. Мы все это знаем, – проговорила Клара.

– Вы – художник, – сказала Рейн-Мари. – Неужели вы считаете, что о произведении искусства можно судить по его автору? Или оно должно существовать само по себе?

Клара тяжело вздохнула:

– Я знаю правильный ответ на ваш вопрос. И я знаю, что я чувствую. Захотела бы я иметь картину Джеффри Дамера¹² или готовить блюдо по рецепту семьи Сталина? Нет.

– Дело не в этом, – сказал Габри. – Речь идет о том, чтобы у человека была возможность делать выбор. Может быть, пусть Антуанетта поставит пьесу, а там уж люди сами решат, захотят они смотреть или нет.

– Ты передумал насчет ухода из труппы? – спросила Мирна.

– Да нет же, черт побери, – ответил он. – Я к этой пьесе и близко не подойду. Пьесу написал говнюк, и она вся в говне. Справедливо или нет, но дела обстоят именно так.

– Возьмите, к примеру, Вагнера, – сказала Рейн-Мари. – Его имя так прочно ассоциируется с нацистами и холокостом, что его музыку, какой бы блестящей она ни была, многие считают замаранной.

– Нельзя забывать, что Вагнер к тому же проявил себя как воинствующий антисемит, – напомнил Габри.

– Но разве это причина, чтобы не исполнять такую возвышенную музыку? – спросила Рейн-Мари.

– Доводы разума тут ни при чем, – ответила Мирна. – Я первая готова признать, что проиграю любой спор о том, следует ли ставить пьесу Флеминга. Умом я понимаю, что у него есть право писать, а у труппы есть право ставить. Но просто я не хочу в этом участвовать. Я не могу защищать свои чувства – они такие, какие есть.

– Я возвращаюсь к своему вопросу, – сказала Рейн-Мари. – Следует ли судить о творении по его творцу? Имеет ли значение личность творца?

– Имеет, – ответил Гамаш. – Иногда цензура оправданна.

Все посмотрели на него, удивленные его уверенностью. Поразились даже Рейн-Мари:

– Но ты же всегда выступал за свободу слова, Арман, даже если это вредило тебе.

– В свободном обществе существуют исключения, – отрезал Арман. – Исключения всегда существуют.

И он знал, что случай Джона Флеминга – случай исключительный.

– А пьеса... она об убийствах? – спросила Клара.

– Нет, – ответил Габри. – Откровенно говоря, пьеса довольно смешная. Ее герой – человек, который все время выигрывает в лотереях и пускает коту под хвост все шансы, которые ему предоставляются. И каждый раз возвращается в те же меблированные комнаты, к тем же людям.

¹² Джеффри Лайонел Дамер – американский серийный убийца, отличавшийся крайней жестокостью.

– Местами пьеса забавная, – согласилась Мирна. – Но потом вы вдруг чувствуете, что она трогает вас до глубины души. Я не знаю, как он это сделал.

– Значит, пьеса не имеет никакого отношения к Флемингу и его преступлениям? – спросила Рейн-Мари. – Никакого отношения к его личности?

– Нет, имеет, от первого до последнего слова, – сказал Арман четким, напряженным голосом.

Все снова посмотрели на него. Никогда прежде они не слышали, чтобы он расходился во мнениях с женой.

– Если пьесу написал Джон Флеминг, то какие могут быть разговоры? Она непременно будет связана с ним. Может быть, неочевидно, но он присутствует в каждом слове, в каждом поступке персонажей. Творец и творение едины. – Арман переплел пальцы. – Так он ищет спасения. Через письменное слово и порядочность других людей. Так Джон Флеминг проникает в ваши головы. А он не должен там находиться. Поверьте мне.

Несколько мгновений он казался одержимым. Потом это прошло, потеряло интенсивность, и наконец на лице Армана Гамаша осталась только обеспокоенность. В книжном магазине воцарилась тишина, если не считать позвякивания ошейника Анри, который подошел к Гамашу и прижался к его ноге.

– Прошу прощения, – сказал Арман Гамаш, потирая лоб и слабо улыбаясь. – Извини меня. – Он взял Рейн-Мари за руку и сжал ее.

– Я понимаю, – произнесла Рейн-Мари, хотя и знала, что на самом деле ничего не понимает.

Дело Флеминга было единственным, о котором Арман ей не рассказывал, хотя она и следила за ним по прессе.

– Чем скорее мы сообщим Антуанетте о нашем неучастии, тем лучше. Мне нужно прибраться в бистро. Давай-ка я вернусь через час и заберу тебя, – сказал Габри Мирне. – Можем поехать туда вместе.

Мирна согласилась. Габри вышел, за ним последовала Клара, помахав на прощание книгой.

– Я иду в продуктовый, – сказала Рейн-Мари и вышла, оставив Армана и Анри в книжном магазине.

Мирна села в свое кресло и посмотрела на Армана, который устроился на том месте, где только что сидел Габри.

– Желаете еще поговорить о пьесе? – спросила она.

– Упаси бог, – отказался Арман.

Она хотела было спросить, почему он так разволновался, но не стала. И задала другой вопрос:

– Что вам известно такого, чего не знаем мы?

Арман ответил не сразу.

– Вы имели опыт общения с душевнобольными преступниками, – заговорил наконец он, поглаживая Анри по огромным ушам и глядя на урчащую от удовольствия собаку.

Но потом Арман посмотрел на Мирну, и она увидела в его умных карих глазах печаль. Неподдельную боль.

Он держался за собаку, как за спасательный плотик после кораблекрушения.

Мирна кивнула:

– У меня была частная практика, но я, как вы знаете, работала также на полставке в пенитенциарной системе.

– А в зоне для особо опасных преступников вы бывали?

– В ЗООП? – переспросила Мирна. – Меня просили поработать там. Я съездила туда один раз, но так и не вышла из машины.

– Почему?

Она открыла рот и тут же закрыла, собираясь с мыслями. Пытаясь найти слова, чтобы выразить то, что и мыслью-то нельзя было назвать.

– Вы знаете такое словосочетание – «забытый богом»?

– Конечно, – кивнул Арман.

– Вот почему. Я сидела на парковке ЗООП и смотрела на стены. – Мирна покачала головой. – Так и не смогла заставить себя войти в такое забытое богом место.

Оба они знали это здание – жуткого вида монолитное сооружение, поднимающееся из земли.

– В других местах заключения вы по-прежнему работали с преступниками, – заметил Арман. – С убийцами, насильниками. Но в конечном счете бросили все и приехали сюда. Почему?

– Потому что перебрала. Я их не виню – вина тут только моя. Они были слишком искалечены умственно. Я не могла им помочь.

– Может быть, некоторые из них не подлежали лечению, потому что вовсе не были искалечены, – предположил Арман.

За окном он видел всплески удивительных красок в лесу, покрывающем горы. Клены, дубы, яблони преображались. Готовились. Вот где начиналась осень. Высоко в горах. А потом она спускалась, настигая их в долине. Осень, разумеется, наступала со всей неизбежностью. Арман лицезрел ее приход.

– Кофе? – спросил он, поднимаясь из кресла и перешагивая через Анри.

– Будьте добры.

Наливая кофе, он продолжал говорить:

– Джона Флеминга арестовали и судили восемнадцать лет назад.

– Такие преступления не стираются из памяти, верно? – сказала Мирна, заканчивая его мысль, и взяла у него кружку. – Вы его знаете?

– Я следил за делом, – сказал Гамаш, возвращаясь на прежнее место. – Он совершил свои преступления в Нью-Брансуике, но судили его здесь, так как считалось, что в Нью-Брансуике суд не может быть объективным.

– Я помню. Он все еще здесь?

Гамаш кивнул:

– В зоне для особо опасных преступников.

– Вы поэтому спросили меня про ЗООП?

Гамаш кивнул.

– Он получает помощь?

– Помочь ему невозможно.

– Послушайте, я ведь не говорю, что из него когда-нибудь получится примерный гражданин, – сказала Мирна. – Я не говорю, что смогла бы доверить ему своего ребенка...

Мирна хорошо знала Армана, а потому не могла не заметить легчайшую тень, промелькнувшую по его лицу. Всего лишь тень.

– ...но он человеческое существо, и его, вероятно, преследуют кошмары после всех совершенных им преступлений. Не исключено, что время и терапия помогут и ему. Я не говорю о его освобождении. Я говорю о том, чтобы помочь ему освободиться хотя бы от части его демонов.

– Джон Флеминг никогда не исправится, – тихо произнес Гамаш. – И поверьте мне, нам бы не понравились его демоны, отпусти мы их на свободу.

Мирна хотела возразить, но не стала. Если кто и верил во второй шанс, так это Арман Гамаш. Она была его другом и неофициальным психотерапевтом. Знала его сокровенные тайны, его неколебимые убеждения, его самые глубинные страхи. Но теперь она засомневалась,

знает ли. И еще она спросила себя, какие демоны могут обитать в этом человеке, специализирующемся на раскрытии убийств.

– Что вам известно такого, чего не знаем мы, Арман?

– Я не могу сказать.

– Я тоже следила за судебным процессом... – Она замолчала и посмотрела на него.

И тут ее осенило. Она поняла, *что* именно он говорит, не говоря ничего.

– Мы знаем не все, верно, Арман? Состоялся еще один процесс, закрытый.

Процесс в процессе.

Мирна, сотрудничавшая с полицией, знала, что законодательство допускало такое, но сама никогда не слышала ни о чем подобном.

Один процесс был публичным, но за плотно закрытыми и запертыми дверями проводилось другое заседание. И на нем оглашались сведения, которые считались слишком страшными, а потому непосильными для общества.

Насколько же страшным должно быть преступление, если оно могло потрясти фундаментальные основы общества? Насколько страшна эта правда, если ее невозможно предъявить обществу? На таком процессе присутствовали только обвиняемый, судья, прокурор, адвокат, охранник и стенографист. И еще один человек.

Один человек, не имеющий никакого отношения к расследованию, но специально избранный, чтобы представлять всех канадцев. Он принимал на себя весь ужас. Он слышал и видел то, что невозможно забыть. А по окончании процесса жил с этим и уносил свои знания с собой в могилу, чтобы остальному обществу не нужно было нести на себе этот страшный груз. Одного человека приносили в жертву ради всеобщего блага.

– Вы не просто читали материалы дела, да? – спросила Мирна. – Проводился еще и закрытый процесс, верно?

Арман смотрел на нее, чуть сжав губы.

Гамаш и Анри вышли из книжного магазина и двинулись вокруг деревенского луга, вдыхая свежий, прохладный осенний воздух. Вдыхая запах перезревших яблок и свежескошенной травы, слушая, как шуршат под ногами только что опавшие листья.

Конечно же, он ничего не сказал Мирне. Не мог. Информация была засекречена. И даже если бы он имел право рассказать ей о преступлениях Джона Флеминга, то не стал бы этого делать.

Ему и самому хотелось бы не знать.

Каждый день, когда двери закрытого суда открывались и выпускали его, Арман возвращался в управление полиции в Монреале и смотрел через окно своего кабинета на горожан, снующих внизу. Они стояли под светофором, спешили кто в бар, кто к дантисту. Думали о покупках, о счетах, о начальстве.

Они не знали. Они читали газеты, смотрели телевизионные отчеты о процессе и считали Флеминга монстром, но они не знали и половины правды.

Арман Гамаш чувствовал, что будет до гробовой доски благодарен судье, которому хватало мужества рассматривать самые жуткие подробности дела. И еще он спрашивал себя, вычищают ли зал после каждого заседания. Дезинфицируют ли. Или сжигают дотла.

Или же просто закрывают двери и возвращаются к своей жизни, а по вечерам в темноте молят Бога, которого считают всемогущим, о том, чтобы Он даровал им забвение? Чтобы даровал им ночи без сновидений. Чтобы перевел часы назад – в то время, когда они не знали.

Знание не всегда сила. Иногда оно калечит.

Мирна предполагала, что терапия может со временем излечить Флеминга от его демонов. Но Арман Гамаш знал: это невозможно. Потому что демоном был сам Джон Флеминг.

И теперь ему удалось бежать из тюремной камеры. Проскользнуть сквозь решетку. В виде слов.

Джон Флеминг снова объявился в мире.

Пришел, чтобы сыграть в свою игру.

Глава пятая

– Что вам надо? – крикнула в темноту Антуанетта.

Она стояла на ярко освещенной сцене, приложив руку ко лбу и вглядываясь в темноту, как мореход в поисках земли.

– Поговорить с вами, – прозвучал в зале голос Армана.

– Мне кажется, вы уже и без того наговорили немало!

Брайан вышел из-за кулисы с бутфорской лампой:

– Ты с кем говоришь?

Арман поднялся по ступенькам:

– Со мной. Salut, Брайан.

– Ну, вы довольны? – спросила Антуанетта, подходя к нему. – Мирна и Габри отказались участвовать. Теперь главную роль, которую собирался играть Габри, придется исполнять Брайану.

– Мне?..

– Пьесу довольно трудно поставить, даже когда актеры не отказываются от ролей, – продолжила Антуанетта.

– Значит, вы не отказались от постановки? – спросил Гамаш.

– Конечно, – резко сказала она. – Несмотря на все ваши усилия. Остальные актеры появятся через несколько минут. Я прошу вас уйти, прежде чем вы нанесете нам еще больший вред.

– Вы скажете им, кто написал пьесу?

– То есть если не скажу я, то скажете вы? Вы поэтому здесь? Чтобы убедиться, что наверняка уничтожили постановку? Боже милостивый, да вы же настоящий фашист!

– Я не хочу дискутировать с вами, – произнес Гамаш.

– Ну конечно, потому что независимое суждение вам поперек горла, – сказала Антуанетта.

Брайан стоял у дивана, продолжая держать лампу. Словно неудавшийся Диоген.

– Габри и Мирна сами принимали решение, – сказал Гамаш. – Но я не стал их разубеждать. По моему мнению, постановка такой пьесы вредна.

– Да, я поняла. Но мы все равно ее поставим. И знаете почему? Потому что, как бы ни был ужасен автор, его пьеса – выдающееся произведение. Если вы будете продолжать в том же духе, то ее никто никогда не прочтет и не увидит. Тоже мне, поборник свободного общества.

– Свободное общество требует своей платы, – отрезал Гамаш, но тут же взял себя в руки.

Антуанетта улыбнулась:

– Наступила на больную мозоль? Чего вы так боитесь, Арман? Автор в тюрьме, уже сколько лет там провел. И никогда не выйдет на свободу.

– Я не боюсь.

– Вы в ужасе, – перебила его Антуанетта. – Если бы мне требовался актер для роли одержимого ужасом, я бы умоляла вас сыграть ее.

– Я бы хотел поговорить, – сказал Гамаш, игнорируя ее слова. – Мы можем присесть?

– Давайте. Только поскорее, пока не приехали остальные.

– Могу я к вам присоединиться? – спросил Брайан, ставя лампу. – Или вы хотите говорить конфиденциально?

– Давайте, – ответил Арман. – К вам это тоже имеет отношение.

Гамаш сел в потертое кресло – часть сценического реквизита. Он редко поднимался на сцену, и его каждый раз удивляло, насколько здесь все ветхое. С расстояния, из зала, актеры

могли выглядеть как короли и королевы, титаны бизнеса. Но вблизи? Костюмы были дешевые, поношенные, зачастую пропитанные запахом пота. Их замки разваливались.

Потеря иллюзий. Такова цена близости к искусству.

Будучи следователем, Арман большую часть жизни изучал предметы, изучал людей. Заглядывал за фасад, чтобы понять, что там находится в действительности. Поношенные, потертые, старые вещи.

Но иногда, иногда, стряхивая пелену с глаз, он обнаруживал нечто светящееся, яркое, и это было лучше, чем сценические декорации.

Он посмотрел на Антуанетту. Средних лет, яростно цепляющаяся за иллюзии юности. Волосы покрашены в фиолетовый цвет, одежду можно было бы назвать богемной, не будь она так тщательно подобрана.

Он искренне восхищался Антуанеттой, симпатизировал ей. Даже сейчас восхищался тем, что она до конца отстаивает то, во что верит. И в конце концов, она ведь не знала всей правды о Флеминге.

– Я здесь, потому что мы друзья, – сказал он. – Я не хочу, чтобы между нами возникло непонимание.

– Арман, вы даже не прочитали пьесу, – упрекнула его Антуанетта, уже без гнева. – Как вы можете ее порицать?

– Вероятно, жизнь художника не должна иметь значения, – сказал он смягчившимся голосом. – Но для меня это не так. В данном случае.

– Я все равно поставлю пьесу, – заявила она. – Хотя теперь, с Брайаном в главной роли, она станет ужасным дерьмом...

– Эй-эй, – подал голос Брайан.

– Извини, ты вполне годишься, но у тебя мало времени для подготовки, а когда ты сегодня опоздал на репетицию, мне показалось, что ты тоже...

– Я никогда тебя не оставлю, – сказал Брайан, потрясенный и расстроенный. – Как тебе только могло такое прийти в голову?

Интересно, подумал Гамаш, понимает ли Антуанетта, какой у нее преданный партнер. А еще он подумал о Брайане, столь ослепленном любовью.

– Откровенно, Арман, – сказала Антуанетта, – вы ведете себя так, будто речь идет о судьбах мира. Но ведь это всего лишь пьеса.

– Если это всего лишь пьеса, снимите ее с постановки, – парировал он, и они вернулись к тому, с чего начали.

Она уставилась на него. Он уставился на нее. А Брайан совсем пал духом.

– Как у вас вообще появилась пьеса Флеминга? – спросил Гамаш.

– Я вам сказала: Брайан нашел ее в бумагах моего дядюшки, – ответила она.

– А как звали вашего дядюшку?

– Гийом Кутюр.

– Кем он был? Театральным режиссером? Актером? – спросил Арман.

– Вовсе нет. Насколько мне известно, он вообще не бывал в театре. Он строил мосты. Маленькие мосты. Точнее, развязки. Он был мягким, тихим человеком.

– Тогда как у него оказалась пьеса? Он знал Флеминга?

– Нет, конечно! – воскликнула она. – Он почти всю жизнь провел в Трех Соснах. Вероятно, купил ее на какой-нибудь дворовой распродаже. Мы не обязаны вам что-то объяснять. Мы не совершили никакого преступления, а вы не коп. – Она встала. – А теперь, пожалуйста, уходите. У нас работа.

Она, а за ней и Брайан повернулись к нему спиной, но Брайан, прежде чем сделать это, скорчил извиняющуюся гримаску.

Понимание пришло к Гамашу, пока он ехал по грунтовой дороге к Трем Соснам, чувствуя под собой знакомые и почти утешительные неровности. Вероятно, он подспудно знал это с того момента, когда понял, кто автор пьесы «Она сидела и плакала».

Ему придется прочесть эту пьесу.

Арман прошел по тропинке к покосившемуся крыльцу. Постучал.

– Чего тебе надо? – спросила Рут, не открывая дверь.

– Прочесть пьесу.

– Какую пьесу?

– Да бога ради, Рут, откройте дверь.

Что-то в его голосе, вероятно усталость, тронуло ее за живое. Он услышал скрежет задвижки, потом дверь чуть приоткрылась.

– С каких это пор вы стали запираяться? – спросил Арман, протискиваясь внутрь.

Рут захлопнула дверь с такой поспешностью, что защемила полу его пиджака, и пришлось выдергивать ее.

– С каких это пор тебе стало не все равно? – спросила старая поэтесса. – И с чего ты взял, что пьеса у меня?

– Видел, как вы ее взяли, уходя от нас вчера вечером.

– Зачем тебе ее читать?

– Я могу задать тот же самый вопрос.

– А вот это не твое дело, – отрезала Рут.

– Я могу сказать то же самое.

Рут не сумела спрятать улыбку:

– Ладно, Клузо¹³. Если найдешь, забирай свою пьесу.

Он отрицательно покачал головой и вздохнул:

– Просто отдайте ее мне.

– Ее здесь нет.

– Тогда где она?

Рут и Роза похромали к кухонной двери, из которой Рут показала на сад. На клумбах отцветали розы, нежно-розовые гортензии, по деревянным решеткам вился полевой выюнок.

– Нанесло с твоего сада, – посетовала Рут. – А ведь это сорняк.

– Агрессивный, грубый, требовательный. Впитывает в себя все удобрения. – Арман посмотрел на старую поэтессу. – Да, мы знаем. Но он нам все равно нравится.

И опять заметил мимолетную улыбку на ее лице. Глаза Рут остановились на большой кадке в середине газона.

Гамаш проследил за ее взглядом, спустился с крыльца и прошел к кадке. Она оказалась пустой. Не говоря ни слова, он оттащил ее на несколько шагов и увидел квадратик свежескопанной земли. Плодородной и темной.

– На. – Рут протянула ему лопату.

Он опустился на колени и стал копать.

Рут и Роза наблюдали за ним с крыльца.

Копать пришлось глубже, чем предполагал Гамаш. Он повернулся и посмотрел на Рут, худую и немощную. Но она откопала – откопала глубокую яму. Копала, сколько хватало сил. Арман скинул с лопаты очередную порцию земли в образовавшийся у него за спиной холмик и снова вонзил ее в почву.

¹³ Жак Клузо – старший инспектор полиции, главный герой серии фильмов «Розовая пантера». Рут дала Гамашу это прозвище в их первую встречу.

Наконец он почувствовал, что лопата уперлась во что-то. Отгреб землю в сторону, наклонился и увидел темные буквы на белой бумаге.

«Она сидела и плакала».

Он смотрел, а из земли раздавались звуки записи, проигрывавшейся на процессе. Крики о помощи. Мольбы. Просьбы перестать.

– Арман?

Голос Рейн-Мари прорвался сквозь те звуки, и, даже еще не повернувшись, Гамаш понял: что-то произошло. Что-то плохое.

Держа запачканную землей рукопись в одной руке, а лопату – в другой, он встал и увидел фигуру Рейн-Мари в проеме кухонной двери Рут.

– Что случилось? – спросил он.

– Это насчет Лорана. Он вечером не пришел домой к ужину. Только что звонила Иви, хотела узнать, не у нас ли он.

Гамаш почувствовал, как груз рукописи тянет его к земле. Прах к праху.

Лоран не вернулся домой.

Рукопись выпала из рук Гамаша.

Глава шестая

После целой ночи поисков, уже под утро, отец и мать нашли Лорана. В овраге, куда он упал. Рядом лежал его велосипед. Утреннее солнце коснулось отполированных ручек руля, и родители по наводке солнечного зайчика нашли сына.

Другие участники поиска, собравшиеся из деревень по всем Восточным кантонам, услышали дикий вопль.

Арман, Рейн-Мари и Анри прекратили поиск. Перестали звать Лорана. Перестали продираться сквозь густые заросли вдоль обочин. Перестали понукать Анри пробираться глубже, еще глубже в колючие кусты и репейник.

Рейн-Мари повернулась к Арману, ошеломленная, словно этот крик превратился в кулак и ударил ее. Она подошла к мужу, ухватила за него и спрятала лицо у него на груди. Его одежда, его плечо, его руки почти заглушили ее рыдания.

Она ощутила его запах – сандаловое дерево с примесью розовой воды – и впервые не испытала утешения. Таким подавляющим было горе. Так потрясал этот вопль.

Анри, весь в колючках репейника, обеспокоенный услышанными звуками, подбежал, повизгивая, и остановился, глядя на своих хозяев.

Рейн-Мари отстранилась от мужа и отерла лицо платком. Но, увидев влажный блеск в глазах Армана, снова вцепилась в него. Теперь она держала его, как только что он держал ее.

– Я должен... – проговорил он.

– Иди, – сказала Рейн-Мари. – Я за тобой.

Она взяла Анри на поводок и поспешила вслед за мужем. Арман уже преодолел половину расстояния до поворота дороги. Он бежал на крик горя.

А потом вопли прекратились.

За поворотом Арман увидел Ала Лепажу внизу, у подножия холма, – тот стоял посреди грунтовой дороги и смотрел в никуда.

Арман сбегал вниз по крутому спуску, слегка оскальзываясь на сыпучем гравии. Вдали он заметил Габри и Оливье, приближавшихся к Алу с противоположной стороны.

Из подлеска до него донеслись стоны и ритмичное шуршание.

– Ал? – позвал Арман, замедляя шаг, и остановился в нескольких шагах от этого крупного, неподвижного человека.

Лепаж махнул рукой, но не повернулся.

Даже не успев еще взглянуть, Гамаш знал, что он увидит.

Позади него стихли шаги Рейн-Мари. Потом раздался ее стон. Стон матери, увидевшей воплощенный в жизнь кошмар другой матери. Любой матери.

А Арман смотрел на Ала. Воплощенный кошмар любого отца.

Быстрым, опытным взглядом Арман оценил местонахождение велосипеда, поломанные кусты, примятую траву. Расположение камней. Детали прочно запечатлелись в его памяти.

Потом он спустился в овраг через высокую траву и заросли, скрывающие Лорана и его велосипед. У него за спиной Оливье и Габри говорили с Алом. Пытались успокоить.

Но отец Лорана был безутешен. Он ничего не видел и не слышал. Он был бесчувствен в бесчувственном мире.

Иви обнимала Лорана, прижимала к себе, закрывала его своим телом. Баюкала. Ее темно-русые волосы выбились из резинки и упали, образовав завесу, скрывавшую ее лицо. И лицо мальчика.

– Иви, – прошептал Арман, опускаясь рядом с ней на колени. – Ивлин.

Он медленно и нежно отвел волосы с ее лица.

Гамаш повидал немало мест преступлений и знал, когда уже ничем нельзя помочь. Но он все равно протянул руку и пощупал холодную шею мальчика.

Рыдания Иви перешли в пение, и на мгновение ему показалось, что этот звук издает Лоран. Знакомая мелодия, мальчик напевал ее двумя днями ранее, когда Арман вез его домой.

«Старик, взгляни на жизнь мою, – тихонько пел он. – Двадцать четыре мне, и столько еще впереди».

Позади них, на дороге, раздался резкий вздох, такой громкий, что заглушил пение.

Вздох, а потом звук рвотного позыва. И еще один. Это Ал Лепаж пытался дышать сквозь комок горя в горле.

За этими жуткими звуками Арман услышал, как Оливье вызывает «скорую». Подошли другие люди, встали в полукруг возле Ала. Смотрели на него, не зная, что делать с таким неизбывным горем.

Ал упал на колени и, медленно опустив голову, уткнулся лбом в землю. Потом сцепил руки на своей седой голове и превратился в камень, булыжник на дороге.

Арман повернулся к Иви. Она прекратила раскачиваться и тоже окаменела. Она напоминала откопанное в развалинах Помпеев тело, навечно застывшее в мгновении ужаса.

Арман ничем не мог им помочь. И поэтому сделал кое-что для себя. Он взял Лорана за руку, бессознательно пытаясь ее согреть. Он так и держал руку мальчика, пока не приехала «скорая». Машина примчалась на полной скорости под звук сирены. А подъехала медленно. Беззвучно.

Некоторое время спустя Рейн-Мари и Арман задернули шторы на окнах, чтобы не проникали лучи солнца. Они отключили телефон. Осторожно выбрали репейник из шерсти терпеливого Анри. А потом, во тьме и тишине своей гостиной, они сидели и плакали.

– Примите мое сочувствие, patron, – сказал Жан Ги. – Я знаю, вы любили мальчонку.

– Ну, приезжать было необязательно, – сказал Гамаш и направился от входной двери в глубину дома. – Мог бы просто позвонить по телефону.

– Я хотел привезти вам это лично, а не отправлять по электронке.

Гамаш посмотрел на то, что держал в руке Жан Ги.

– Merci.

Жан Ги положил папку на кофейный столик перед диваном:

– Судя по данным местного отделения полиции, смерть наступила в результате несчастного случая. Лоран ехал домой на велосипеде вниз по склону, попал в рытвину. Вы же знаете, какая там дорога. Они считают, что он ехал на большой скорости и от толчка перелетел через руль в овраг. Не знаю, видели ли вы там поблизости камни.

Гамаш кивнул и потер большой рукой лицо, пытаясь прогнать усталость. Они с Рейн-Мари сумели поспать несколько часов, прежде чем их разбудил стук дождя по карнизу.

День клонился к вечеру, и Жан Ги приехал из Монреалья с предварительным заключением о смерти Лорана.

– Я видел камни. Быстрая работа, – сказал Гамаш, надевая очки и открывая папку.

– Данные предварительные, – напомнил Жан Ги, садясь рядом с тестем на диване.

За окном дождь лил как из ведра. Холодный дождь, пробирающий до костей. Растопили камин, и угольки весело потрескивали и вспыхивали, отскакивая от поленьев. Но двое мужчин, склонивших голову над бумагами, не замечали жизнерадостного танца пламени.

– Посмотрите вот сюда. – Бовуар ткнул пальцем в строчку полицейского отчета. – Коронер говорит, что он умер сразу же, как только ударился о дорогу. Он не...

Он не лежал там, страдая от боли, пока становилось все темнее. И холоднее.

В свои девять лет Лоран умер не испуганным в ожидании помощи.

Жан Ги увидел короткий кивок Гамаша, сжавшиеся губы. В том, что случилось, утешения искать не приходилось. Он примет то, что сможет принять. Как в конечном счете сделают это Иви и Ал. Что может быть хуже потери ребенка? Только мысль о том, что он умер в страданиях.

– Его травмы соответствуют тому, что обнаружила полиция, – сказал Жан Ги. Он откинулся на спинку дивана. – Почему вы думаете, что здесь возможно нечто большее?

Гамаш читал еще несколько секунд, потом поднял голову и посмотрел на Жана Ги над полукруглыми линзами очков:

– С чего ты решил, что я так думаю?

Жан Ги едва заметно улыбнулся и кивнул на бумаги:

– Я видел ваше лицо, когда вы читали отчет. Вы ищете улики. Я двадцать лет сидел напротив вас, patron. И знаю, как вы выглядите в такие минуты. Потому-то я и хотел присутствовать, когда вы будете читать это. – Он постучал пальцем по отчету. – Мне мальчишка тоже нравился. Забавный паренек.

Гамаш улыбнулся и кивнул.

– Ты прав, – признал он. – Я считал, что дело тут нечисто, с того момента, как мы его нашли. Об этом говорило множество мелочей. И одно серьезное соображение. Дети все время падают с велосипедов. Не могу тебе сказать, сколько раз Анни приземлялась на голову. Только многочисленные травмы головы и могут объяснить ее любовь к тебе.

– Merci.

– Однако смертельных случаев на удивление мало. И потом, Лоран почти всегда ездил в шлеме. Почему вчера он оказался без шлема? Шлем был при нем – привязан к рулю велосипеда.

– Возможно, Лоран надевал шлем, уезжая из дома и возвращаясь. А большую часть времени, когда его никто не видел, ездил без шлема. Все дети так делают. Я снимал шапочку зимой, как только заворачивал за угол и мать переставала меня видеть. Я бы скорее отморозил голову, чем выставил себя дураком. Не надо, – поспешно произнес Жан Ги, предвидя логичный комментарий.

Гамаш покачал головой:

– Просто что-то там было не так, Жан Ги. Что-то не укладывалось. Траектория, расстояние, которое пролетело тело. Расстояние, которое пролетел велосипед...

– ...все это здесь разобрано.

– В отчете, состряпанном за несколько часов? И к тому же нужно учитывать положение тела Лорана относительно велосипеда.

Жан Ги взял из полицейского отчета фотографии, рассмотрел их и передал Арману, который убрал их в папку.

Вид этого лица и тела преследовал его весь день. Он впечатался в его память. Нет нужды смотреть еще раз.

– Выглядело так, будто они были сброшены туда.

– Oui. Когда он попал колесом в выбоину, – сказал Жан Ги, стараясь проявлять терпение.

– Жан Ги, я расследовал немало несчастных случаев и вижу, что здесь смерть не была случайной.

– Однако все, кроме вас, patron, считают иначе.

Бовуар сказал это тихим, но твердым голосом. Гамаш снял очки и посмотрел на зятя.

– Ты думаешь, мне хочется, чтобы это оказался не несчастный случай? – спросил он.

– Нет. Но иногда наше воображение уносит нас в дали дальние. Сочетание горя, усталости, чувства вины.

– Вины?

– Хорошо, может быть, не вины, но вы наверняка чувствовали ответственность за мальчика. Он вам нравился и относился к вам с почтением. И тут случилось такое. – Бовуар показал на фотографии. – Я понимаю, *patron*. Вы хотите что-то сделать и не можете.

– И превращаю несчастный случай в убийство?

– Ну, вы же оспариваете выводы, – сказал Жан Ги, пытаясь разрядить неожиданно возникшее напряжение. – Только и всего. Но картина абсолютно ясна.

– Все это слишком уж предварительно. – Гамаш закрыл папку и отодвинул ее. – Они поспешили сделать очевидные выводы, потому что так им проще. Но дело нужно расследовать дальше.

– Почему?

– Потому что я должен быть уверен. Они должны быть уверены.

– Нет, я что хочу сказать: допустим на минуту, что это не несчастный случай. Он совсем мальчик. Насилию не подвергся. Следов истязаний нет. Слава богу. Зачем кому-то его убивать?

– Не знаю.

Гамаш не глядел на стопку грязных листов, лежащих на столике у задней двери, где они и оставались после того, как он откопал их и принес в дом. Но он ощущал их присутствие. Ощущал присутствие Джона Флеминга – вот он присел на корточки, слушает, наблюдает.

– Иногда мотив очевиден, иногда это просто неудачное стечение обстоятельств, – сказал он. – Убийца строит свои планы, а жертва выбирается без разбора.

– Вы думаете, Лоран стал жертвой серийного убийцы? – спросил Жан Ги, впадая в скептицизм. – Обычного убийцы вам недостаточно?

– Недостаточно? – Гамаш сердито посмотрел на зятя. – Что ты имеешь в виду?

Его голос, поначалу чуть не сорвавшийся на крик, упал до опасного шепота, но потом Гамаш взял себя в руки.

– Извини, Жан Ги. Я знаю, ты пытаешься помочь. Я ничего не выдумываю. Понятия не имею, зачем кому-то могло понадобиться убивать Лорана. Я лишь говорю, что сомневаюсь, с несчастным ли случаем мы имеем дело. Может быть, его сбила машина и водитель скрылся. Но что-то тут не складывается.

Гамаш снова открыл папку. Список того, что полиция нашла в карманах Лорана. Маленький камешек с вкраплением пирита. Золотая обманка. Плитка шоколада. Сломанная. А еще чешуйки и семена сосновой шишки, земля и галета.

Затем Гамаш отыскал в отчете описание рук мальчика. Они были поцарапанные, грязные. Коронер обнаружил под ногтями сосновую смолу и кусочки растительного вещества, но ни кожи, ни крови.

Никаких признаков борьбы. Если Лорана убили, то у него не было возможности защищаться. По крайней мере, такие результаты хоть немного утешали. Они свидетельствовали о том, что Лоран в последние часы, минуты жизни занимался обычными мальчишескими делами. Не сражался за жизнь, а явно наслаждался ею. До самого конца.

Гамаш перевел взгляд на Жана Ги:

– Ты займешься этим?

– Конечно, *patron*. Я приеду на похороны, а к тому времени постараюсь получить более определенные ответы.

Бовуар задумался, с чего начать. Но в голову ничего не приходило. Когда умирает ребенок, что делают в первую очередь?

– Вы сказали, отец не хотел смотреть на мальчика, на его тело. Не может ли быть, что...

Гамаш на миг задумался. Вспомнил обветренное, словно высеченное из камня лицо Ала Лепаже, стоявшего спиной к мертвому сыну и рыдающей жене.

– Такое возможно.

– Но?

– Если он убил Лорана в приступе ярости, то мог бы попытаться замести следы, но поступил бы проще, мне кажется. Он бы закопал тело где-нибудь в лесу. Или отнес в лес поглубже и оставил там. Чтобы природа сделала свое дело. Если было совершено убийство, то кто-то попытался придать ему видимость несчастного случая.

– Обычная история, – заметил Жан Ги. – Лучший способ скрыть убийство – это сделать его непохожим на убийство.

Они прошли в кухню, налили кофе, сели за сосновый стол и стали греть руки о кружки.

Бовуару не хватало этого. Долгих, долгих часов со старшим инспектором Гамашем. Когда они размышляли над уликами. Обсуждали подозреваемых. Сравнивали записи. Сидели друг против друга в столовых, машинах, захолустных гостиницах. Разбирали дело по крупицам.

И сейчас, сидя за кухонным столом в Трех Соснах, инспектор Бовуар спрашивал себя, не потворствует ли он шефу, соглашаясь взяться за дело, которое почти наверняка существовало только в воображении Гамаша. А может, он потворствует самому себе?

– Если это убийство, то почему просто не закопать его в лесу? – спросил Жан Ги. – Найти тело практически невозможно. И как вы сказали, волки и медведи...

Гамаш кивнул.

Он посмотрел на Жана Ги. Бовуар нахмурил брови, размышляя. Выстраивая логические цепочки. Сколько же раз, вспомнил Гамаш, они сидели, обдумывая тонкости дела, в маленьких рыбацких деревнях, на фермерских полях, в глуши, в занесенных снегом хижинах. Пытаясь найти убийцу, который делал все, чтобы скрыться от правосудия.

Ему не хватало того прошлого.

Не потому ли он и занялся этим? Не превратил ли он трагическую смерть ребенка в убийство ради своих эгоистичных целей? Не заставляет ли Жана Ги поверить в то, чего не существует? Потому что ему скучно. Потому что он тоскует по тем временам, когда был великим старшим инспектором Гамашем.

Потому что тоскует по аплодисментам.

Как бы там ни было, Жан Ги задал хороший вопрос. Если кто-то действительно убил Лорана, почему просто не спрятать тело в глуши темного леса? Зачем устраивать инсценировку несчастного случая?

На этот вопрос имелся единственный ответ.

– Убийца хотел, чтобы тело Лорана обнаружили, – сказал Жан Ги, опережая Гамаша. – Если бы Лоран пропал, мы бы начали поиски. Перевернули бы все вокруг.

– И могли бы найти что-нибудь такое, что хотел скрыть убийца, – добавил Гамаш.

– Но что? – спросил Жан Ги.

– Что? – повторил Гамаш.

Час спустя Рейн-Мари вернулась от Клары и увидела мужа и зятя в кухне. Они сидели молча, уставившись перед собой.

Она понимала, что это значит.

Похороны Лорана Лепажа состоялись два дня спустя.

Дождь перестал, небеса прояснились, день выдался яркий и неожиданно теплый для сентября.

Священник, который, похоже, не знал Лепажей, старался как мог. Он говорил о доброте Лорана, его мягкости, невинности.

– Того ли мы хороним? – прошептал Габри, когда снова началась молитва.

Священник попросил подойти отца Лорана. Ал вышел вперед, облаченный в плохо сидящий черный костюм. Волосы его были туго схвачены сзади, борода расчесана. Держа в руках гитару, он сел на стул, поставленный для него.

Гитара покоилась у него на коленях, готовая к действию. Но Ал просто сидел и смотрел на людей, пришедших проводить его сына. Он пребывал в оцепенении. Иви подошла к нему и помогла вернуться на скамью в первом ряду.

Погребение на кладбище над деревней Три Сосны прошло в узком кругу. Только Ивлин и Алан Лепаж, священник и люди из похоронной конторы.

В подвале церкви учителя Лорана, одноклассники и соседские дети вяло жевали еду, принесенную жителями деревни.

– Могу я поговорить с вами, patron? – спросил Жан Ги.

– Слушаю, – сказал Арман, когда они отошли в сторону.

– Мы перебрали все варианты. Нет ничего, что указывало бы на убийство.

Бовуар смотрел на этого крупного человека и пытался понять по его лицу, о чем он думает. Испытывает ли облегчение? Да. Но Бовуар увидел и кое-что еще.

– Все-таки вас что-то беспокоит, – сказал Жан Ги. – Я могу показать, что мы обнаружили.

– Нет нужды, – сказал Гамаш. – Merci. Я тебе благодарен.

– Но вы верите нашим выводам?

Гамаш задумчиво кивнул:

– Верю. – А потом, совершенно неожиданно для Жана Ги, улыбнулся. – Похоже, Лоран был здесь не единственным человеком, наделенным живым воображением. Способностью видеть то, чего нет.

– Так вы не будете подавать заявление о нашествии марсиан?

– Ну, теперь, когда ты об этом упомянул...

Гамаш кивком указал в сторону буфета, и Бовуар улыбнулся, заметив, что Рут наливает что-то из фляжки в свой картонный стаканчик с пуншем.

– Merci, Жан Ги. Я ценю то, что ты сделал.

– Благодаря Лакост. Она одобрила расследование, даже людей дала. Мальчик погиб в результате несчастного случая, patron. Он упал с велосипеда.

Гамаш снова кивнул. Они вернулись к остальным, по пути пройдя мимо Антуанетты и Брайана.

Брайан поздоровался, но Антуанетта отвернулась.

– Вижу, она все еще злится, – сказал Жан Ги.

– И все сильнее.

– Вы это о ком? – спросила Рейн-Мари, когда Арман и Жан Ги присоединились к ней.

– Об Антуанетте, – ответил Жан Ги.

– Она с такой ненавистью посмотрела на меня, – сказала Мирна.

– И на меня тоже, – подхватил Габри, подходя к ним с тарелкой яблочного пирога.

На тарелке Оливье громоздилась гора киноа, кинзы и яблочного салата.

– Пьеса плохо продвигается? – спросил Жан Ги.

– Когда люди узнали, кто автор, большинство актеров отказались участвовать, – пояснил Габри. – Я думаю, Антуанетта была искренно удивлена.

Мирна взглянула на Антуанетту и покачала головой:

– Она, кажется, действительно не понимает, чем могут быть обеспокоены люди.

– Значит, постановка отменяется? – спросил Жан Ги.

– Нет, – ответила Клара. – Вот что странно. Она не хочет отменять постановку. По-моему, теперь все роли исполняет Брайан. Она никак не хочет смириться с реальностью.

– Похоже, это всеобщее поветрие, – заметил Арман.

– Вы имеете в виду Лорана? – спросил Оливье. – Вот был парень, чье понимание реальности было расплывчатым.

– Помните, как он рассказывал о динозавре в пруду? – улыбаясь, спросил Габри.

– И почти убедил тебя, – сказал Оливье.

– А как он говорил, что три сосны разгуливают по деревенскому лугу? – напомнила Мирна.

– Они все время разгуливают, – заявила Рут, втискиваясь между Габри и Оливье.

– Накачавшись джина, – добавила Клара. – Забавно, как это действует.

– Кстати, никакого джина тут нет. Вероятно, кто-то все выпил. Принеси-ка еще, – велела Рут Мирне.

– Принеси свой...

– Тсс, мы же в церкви, – прервала Мирну Клара.

– Мы на похоронах ребенка, – сказал Оливье, обращаясь к Рут. – Здесь нет алкоголя.

– Если и есть повод для выпивки, то именно сейчас, – возразила Рут.

Она держала Розу так, как Ивлин Лепаж держала Лорана. Прижимая к груди. Защищая.

А потом прозвучали истинные надгробные слова Лорану Лепажу. Истории о его историях. О забавном парнишке с палкой, который причинял всем беспокойство. Создавал хаос, монстров, марсиан, пушки, бомбы и гуляющие деревья.

Таким был мальчик, которого они хоронили.

– Сколько раз мы смотрели на луг и видели там, как Лоран из своего «ружья» палил по инопланетянам, – сказала Клара, когда они вышли из церкви и направились по грунтовой дороге в деревню.

– Бросал сосновые шишки, как гранаты, – сказал Габри.

– Бам-бам-бам! – Оливье держал в руках воображаемый автомат и производил звуки, которые они не раз слышали от Лорана, отстреливающегося от врагов.

Клара швырнула воображаемую гранату:

– Шарррах!

– Он всегда был готов защищать деревню, – сказала Рейн-Мари.

– Верно, – подтвердил Оливье.

Гамашу вспомнились семена сосновой шишки, найденные в кармане Лорана. Мальчик был на задании – он защищал мир. Вооруженный до зубов. В момент смерти.

– Вообще-то, я думал, что его смерть не была несчастным случаем, – сказал Арман Мирне, когда остальные оторвались от них, уйдя вперед по деревенскому лугу. – Я считал, что это убийство.

Мирна остановилась и посмотрела на него:

– Правда? Почему?

Они сели на скамью в лучах вечернего солнца.

– Я всегда об этом думаю. Наверное, я так часто сталкивался с убийствами, что они мне видятся, даже когда их нет?

– Вы создаете монстров. Как и Лоран, – сказала Мирна.

– Да. Жан Ги считает, что часть меня хотела, чтобы это было убийство. Потому что мне стало скучно.

– Уверена, что он ничего такого не говорил.

– Не говорил. Но я воспринял это так.

– И как вы отвечаете на подобные подозрения?

– Полагаю, в его словах была доля правды. Не то чтобы мне стало скучно, и, уж конечно, убийство меня не забавляет. Оно вызывает у меня отвращение. Но...

– Продолжайте.

– На прошлой неделе приезжала Тереза Брюнель. Она предлагала мне должность суперинтенданта, курирующего отделы по расследованию убийств и тяжких преступлений.

Брови Мирны взлетели.

– И?..

– По правде говоря, я нигде не чувствовал такого душевного покоя, такой душевной гармонии, как здесь. Я не испытываю ни малейшей потребности возвращаться в полицию. Но я чувствую, что должен принять ее предложение.

Мирна рассмеялась:

– Как я вас понимаю! Когда я оставила свою психотерапевтическую практику, меня мучило чувство вины. Мы не из поколения наших родителей, Арман. Теперь у людей есть много возможностей. Перестав практиковать, я задала себе один вопрос: чего мне хочется на самом деле? Не для моих друзей. Не для моей семьи. Не для совершенно незнакомых мне людей. А для себя. Наконец-то. Наступил мой черед, мое время. А теперь – ваше, Арман. Ваше и Рейн-Мари. Чего вы хотите на самом деле?

Он услышал, как упала шишка, и с трудом удержался, чтобы не повернуться посмотреть, где там забавный мальчишка, кидающий «гранаты». Шарр-ррах.

Потом упала еще одна. И еще. Словно три громадные сосны стучали в землю. Просили принять Лорана. Того маленького волшебника, который заставлял их гулять.

Арман закрыл глаза, вдохнул запах свежескошенной травы, ощутил тепло солнечных лучей на лице.

«А чего я хочу?» – спросил он себя.

Ветерок донес до него первые слабые ноты знакомой мелодии. Из «Урожая» Нила Янга. Арман взглянул в сторону маленького кладбища на вершине холма. На фоне ясного голубого неба он увидел крупную фигуру человека с гитарой в руках.

И с холма донеслись слова: «...и столько еще впереди».

Глава седьмая

– Вот вы где, – сказал Оливье, усаживаясь вместе с Габри за столик Гамашей в бистро. – Мы вас искали.

– Ну, наверное, искали недолго, – заметила Рейн-Мари. – Где еще нам быть?

– Дома? – предположил Габри.

– Разве наш дом не здесь? – прошептал Гамаш на ухо Рейн-Мари.

– Да, конечно, *mon beau*¹⁴. – Она одобрительно похлопала мужа по колену.

Оба все еще носили траурную одежду: на Рейн-Мари было темно-синее платье, на Армане – темно-серый костюм, белая рубашка, галстук. Сшитые на заказ, классические.

Они еще не готовы были переодеться, словно снять траур означало отказаться от скорби и оставить Лорана в прошлом.

Оливье и Габри, вероятно, чувствовали то же самое. Они тоже носили траурную одежду и галстуки.

Оливье махнул одному из официантов, и вскоре на их столике появились два пива и вазочка со смесью орешков.

Габри и Оливье сидели, потягивая пиво, и поглядывали друг на друга – никто не хотел начинать первым.

– Так по какой причине вы нас искали? – спросил наконец Арман.

– Давай ты, – сказал Габри.

– Нет, ты, – ответил Оливье.

– Это же была твоя идея, – возразил Габри.

– Пожалуйста, пусть кто-нибудь из вас уже начнет, – взмолился Арман, переводя взгляд с одного на другого.

Он был не в настроении играть в «двадцать вопросов».

– Есть маленькая проблема, – сказал Оливье.

– Может, и говорить о ней не стоит, – перебил его Габри. – Просто у нас возник вопрос. Гамаш широко раскрыл глаза, побуждая их к более конкретному разговору.

– Я говорю о палке, – сказал Оливье.

– О палке Лорана, – уточнил Габри.

Они уставились на Гамаша, но, увидев его недоумевающий взгляд, Оливье рискнул продолжить:

– Когда мы говорили в церкви о Лоране, мы все вспоминали его с палкой.

– С его ружьем, – сказала Рейн-Мари.

– С его ружьем, его мечом, его волшебной палочкой, – подхватил Оливье. – Сколько раз мы видели, как он на велосипеде съезжает по склону в Три Сосны, держа перед собой палку, словно рыцарь – копье?

– Он был защитником, – с улыбкой сказал Габри, вспоминая бесстрашного, отважного паренька, сражавшегося бог знает с кем, исполненного решимости спасти деревню и ее обитателей.

Гамаша смотрели на Оливье и Габри, ожидая продолжения.

– Он повсюду носил с собой свою палку, – сказал Габри. – Мы подумали, может, Ал и Иви захотят, чтобы палка вернулась к ним.

– Да, конечно, – сказал Арман. – Вероятно, вы правы.

Он пожалел, что сам не додумался до этого, но порадовался, что додумались Габри и Оливье.

¹⁴ Мой красавец (*фр.*).

– Палку, наверное, взяла полиция, – сказал Оливье. – Вы не знаете, когда они ее вернут? Нельзя ли получить ее поскорее?

Арман открыл рот, собираясь сказать, что, по его сведениям, все вещи Лорана уже возвращены. Но он ничего не сказал, потому что вспомнил полицейский отчет. Там ничего не говорилось о палке. Правда, даже если бы криминалисты увидели ее на земле, то не обратили бы внимания. Она ничем не отличалась от любой другой палки.

А еще он вернулся к собственным воспоминаниям о месте смерти Лорана.

Холм, гравий, высокая трава, велосипед с привязанным к рулю шлемом. Память Гамаша не зафиксировала никакой палки. Никакой ветки. Только овраг, траву, рыдающую мать и холодное тельце ребенка.

Он встал:

– Полиция ее не нашла. Мы должны вернуться туда и поискать. Давайте-ка переоденемся и встретимся здесь.

Двадцать минут спустя они вышли из машины Гамаша в свободных брюках, свитерах, куртках и резиновых сапогах. Вчетвером спустились по невысокой насыпи и принялись искать.

Но палки Лорана нигде не было.

Ни в овраге. Ни на обочине грунтовой дороги. Ни в высокой траве, ни в круге вытоптанной травы, ни вдоль кромки леса.

Арман поднялся на вершину холма и представил, как Лоран несется вниз по склону на своем велосипеде. Представил последние мгновения Лорана.

Вниз, вниз, вниз. Лоран набирал скорость, его ноги крутили педали, а палка почти наверняка торчала вперед, как копье. Рыцарь, геройски скачущий на врага.

Но тут что-то случилось. На его пути оказалась выбоина или кочка. На языке старых обитателей кантонов – колдобина.

Арман встал у вероятной точки – у рытвины. Испугался ли Лоран, вылетев из седла? Гамаш подозревал, что нет. У мальчишки, наверное, от возбуждения голова пошла кругом. Может быть, он даже закричал: «Колдо-о-о-о-обина!»

Взлетел в воздух. А потом его не стало.

«Тупая травма головы» – так сказано в отчете. Но вскрытие не могло определить душевную травму всех, кто любил мальчишку.

Арман встал на выбоину, приподнялся на цыпочки, вытянул перед собой руки. Вообразил, что взлетает в воздух, летит. Сначала вверх, вверх, а потом – вниз. В овраг.

Куда же в таком случае могла упасть палка? Возможно, на большом расстоянии от Лорана, вылетела из его маленькой руки, как метательное копье.

Рейн-Мари, Оливье и Габри принялись повторять его действия и искать в наиболее вероятных местах, затем в наименее вероятных.

– Пока ничего, – сказала Рейн-Мари, оглянувшись и увидела, что мужа нет поблизости.

Он стоял на том месте, куда упал Лоран, вглядываясь в землю. Потом повернулся и осмотрел склон холма.

– Нашли что-нибудь? – спросил Оливье.

– Нет, – ответил Габри, смещаясь ближе к лесу. – Здесь только трава и размокшая земля. – Он поднял ногу, и почва издала чавкающий звук, неохотно отпуская резиновый сапог.

Арман вернулся на дорогу и пошел в противоположном направлении по холму. Рейн-Мари, Габри и Оливье последовали за ним.

– Не нашли? – спросил Гамаш.

Они отрицательно покачали головой.

– Может быть, ее подобрали Ал и Иви, – сказал Оливье.

Но все понимали, что шансы на это невелики. Родители Лорана и себя-то с трудом смогли подобрать.

– Может, он ее потерял, – предположил Габри.

Но они знали, что Лоран мог потерять палку только вместе с рукой. Для мальчика это была не просто палка.

Услышав звук подъезжающей машины, Ал Лепаж вышел из сарая. На нем была рабочая одежда, и он вытирал свои большие руки.

– Арман.

– Ал.

Мужчины обменялись рукопожатием, а Рейн-Мари обняла Ала.

– Иви дома? Я привезла картофельную запеканку.

Ал показал на дом и, когда Рейн-Мари ушла, повернулся к Гамашу:

– Это дружеский визит?

– Не совсем.

Арман и Рейн-Мари высадили Габри и Оливье в деревне, а сами поехали на ферму Лепажей. Арман внимательно посмотрел на Ала. Тот стал похож на бумажный пакет, который смяли, перед тем как выбросить. Но Арман впервые по-настоящему взгляделся в его лицо и увидел не только бороду и морщинистую кожу, но и светло-голубые глаза миндалевидной формы. Глаза Лорана. И его нос. Тонкий и длинноватый для такого лица. Нос Лорана.

– У меня к вам вопрос.

Ал показал на бревно, и они сели бок о бок.

– Скажите, палка Лорана у вас?

Ал посмотрел на Гамаша как на сумасшедшего:

– Его палка?

– Он всегда носил ее с собой, но мы не смогли ее найти. Вот и подумали, может, вы ее взяли.

Прежде чем Ал ответил, прошла целая вечность. Арман безмолвно молился, чтобы Ал сказал: «Да-да, я ее взял». И тогда Арман и Рейн-Мари смогут поехать домой и начать долгий процесс воспоминаний о живом мальчике и прощания с мертвым.

– Нет.

Ал не мог заставить себя взглянуть на Армана. Его миндалевидные глаза остекленели из страха увлажниться. Но губы дрожали, а на подбородке образовалась ямочка.

– Было бы хорошо ее вернуть, – выдавил он наконец.

– Мы попытаемся найти ее для вас.

– Я подарил эту палку ему на день рождения.

– Oui.

– Работал над ней каждый вечер, после того как он ложился. Он хотел айфон.

– Нет, не хотел, – возразил Арман.

– Ему девять.

Гамаш кивнул.

– Девять, – прошептал Ал Лепаж.

И они уставились в разные стороны. Перед глазами отца возник мир, в котором девятилетние мальчики умирают от несчастных случаев. Гамаш видел перед собой мир, в котором случаются вещи и похуже.

– Она должна быть там, где мы нашли Лорана, – сказал наконец Ал. – Если ее не забрали копы.

– Нет. Мы искали ее там. И полиция ее тоже не нашла. Если палки нет здесь, дома, и нет там, где нашли Лорана, то мы должны ее найти.

– Зачем?

Гамаш не стал медлить. Он понимал, что для таких слов никогда не бывает подходящего времени.

– Это может означать, что Лорана, возможно, убили где-то в другом месте и сбросили в овраг.

Ал открыл рот, и слово готово было сорваться с его губ. Может быть, «зачем». Или «что». Но он так и не проронил ни звука. И Гамаш увидел, как отец Лорана закрыл свой дом, собрал все пожитки и переехал. В тот другой мир. В котором совершают преступления. В котором убивают девятилетних мальчиков.

Арман Гамаш был перевозчиком, паромщиком, доставившим Ала в тот жестокий мир. А для тех, кто попал туда, пути назад уже не было.

– Вы говорите – палка? – Голос Жана Ги в телефонной трубке сорвался на пронзительный крик.

– Oui, – ответил Гамаш.

Он стоял в своей гостиной и смотрел через окно на деревенский луг. Там были Клара и Мирна – сидели на скамье, болтали с месье Беливо.

– Вы хотите, чтобы я пришел к старшему инспектору Лакост и сказал, что мы должны заново открыть дело о смерти Лорана Лепаж, расследование, которое мы проводили только из уважения к вам, и все из-за пропажи какой-то палки?

– Oui.

Арман Гамаш понимал, какие чувства должен был испытывать Лоран, стараясь убедить людей, что видел монстра. Гамаш еще не видел монстра, но знал: он где-то здесь. Нужно было только убедить в этом других.

– Я понимаю, каким смешным это может показаться, Жан Ги.

– Не думаю, что вы понимаете, patron, иначе никогда бы такого не сказали.

– Прошу тебя, сделай это.

– Но что мы должны делать? Мы уже закончили расследование. Установили, что произошел несчастный случай.

– Не несчастный случай, – произнес Гамаш осипшим голосом. – И дело не только в палке. Мы были вчера днем на том месте, искали палку, но меня поразило кое-что еще. То, как лежало тело. Если ты допустишь, как допускаем и мы, что он ехал на велосипеде вниз по склону и попал колесом в выбоину, то наверняка полетел головой вперед. Верно?

– Так оно и случилось. Он ударился головой. Простите, шеф, но к чему вы клоните?

– Он лежал головой не в том направлении, Жан Ги. Ваши же фотографии подтверждают это.

– Что?

Гамаш услышал, как засуетился Жан Ги, застучал пальцами по клавиатуре, открывая папку с фотографиями.

Затем наступила пауза.

– Господи Иисусе... – выдохнул Жан Ги. – Вы уверены?

– Если ты съездишь на то место, то сразу же увидишь: Лоран не мог двигаться вниз по склону холма, когда упал.

– А в другом направлении?

– Там плоско. Колесо могло попасть в выбоину или на камень, но он в худшем случае ободрал бы себе коленку или сломал руку. Но улететь так далеко он бы не смог.

– Черт, вы, вероятно, нащупали кое-что. Но как быть дальше?

– Если Лорана убили, то убийца совершил серьезную ошибку. Он переместил тело, но оставил палку. Когда мы найдем палку, то будем знать место, где убили Лорана.

– И будем знать, кто его убил, – сказал Бовуар. – Но если все так и обстоит, как вы предполагаете найти палку в лесу?

Гамаш посмотрел в окно поверх деревенского луга, поверх старых домов. На лес. На чащу. Сотни квадратных миль леса вокруг деревни. На земле миллионы палок.

Но Лорану было девять лет, а мальчишки такого возраста даже на велосипеде не объезжают сотни квадратных миль. И уж точно не углубляются в лес.

Если его убили, то где-то неподалеку.

– На днях ты играл в футбол на лугу, когда Лоран прибежал в деревню.

– Да, – сказал Жан Ги.

– С какой стороны он прибежал?

– Со стороны старого вокзала, – ответил Бовуар.

– Через мост, – уточнил Гамаш. – Да, кажется, он сам об этом говорил. Вот оттуда и начнем.

– Почему оттуда?

– Недавно ты спросил меня, кому могло понадобиться убивать девятилетнего мальчишку, – напомнил Арман. – Мне приходит в голову два ответа. Первый: без всякой причины, только из удовольствия. Тогда убийца – психопат. А второй ответ: причина была.

– Но опять же зачем? – спросил Жан Ги.

– Вспомни Лорана, – сказал Гамаш. – Что он делал? Выдумывал истории. Всякие истории. Мирна считает, что он таким образом привлекал к себе внимание. Как тот мальчик из сказки, который кричал «волки, волки». Но даже тот мальчик в конце концов сказал правду. Что, если то же самое произошло и с Лораном?

– О нашествии марсиан?

– О пушке.

– И монстре на ней? – осведомился Жан Ги.

Арман вздохнул.

– Парнишка привык к преувеличениям, – признал он. – Вот почему и не достучался до нас. Если бы он ограничился одной пушкой...

– Пушкой, которая больше дома?

– ...то мы бы ему поверили. А так никто его и не слушал. Мы его просто проигнорировали. Он просил меня сходить с ним в лес, но я даже и не подумал это сделать, – сказал Гамаш. – Если бы я сходил с ним...

Голос его стих. Эта мысль весь день терзала его, но сейчас он впервые облек ее в слова.

– Я еду, – сказал Жан Ги.

– Не спеши. Я уже снарядил несколько человек на поиски. Это займет некоторое время. Может, мы ничего и не найдем.

– Так что же я могу сделать?

– Попроси коронера перепроверить медицинские данные. Спроси, могли ли такие повреждения быть получены не вследствие несчастного случая, а из-за чего-то другого.

– D'accord¹⁵. А еще я пересмотрю фотографии и другие улики. – Жан Ги помолчал. – Вы правда считаете, что его кто-то убил? Вы понимаете, что это означает?

Арман прекрасно понимал, что это означает.

Детей убивают люди особого сорта. За свою долгую карьеру старший инспектор Гамаш несколько раз сталкивался с такими. Он прилагал все силы не только для того, чтобы найти убийцу, но и чтобы побороть собственное отвращение, ярость. Старался не думать о своих детях, не включать их в эту и без того сложную гремучую смесь.

¹⁵ Здесь: хорошо (фр.).

Вот в чем состояла проблема. Находить таких убийц было чрезвычайно трудно не только потому, что люди, готовые убивать детей, способны на все, но и потому, что эмоции родни разогревали свидетелей, друзей, общество и следователей. До вулканических температур. А это могло затмевать истину, искривлять восприятие.

И давало убийце большое преимущество.

А еще такие убийства могли сеять раздор в обществе. Даже сам Гамаш, глядя в окно на жителей деревни, занятых своими делами, думал только об одном.

Возможно, преступник – один из них.

Люди со всей округи вызвались помочь прочесать лес в поисках маленькой палки парнишки. Арман не стал объяснять им, зачем ему нужна эта палка. По крайней мере, не сказал правду. Он говорил всем, что для Ала и Иви важно вернуть вещь, которая имела огромную ценность для их сына.

После двух дней поисков в лесу они кое-что нашли. И это была вовсе не палка. Вернее, палку нашли уже потом. Сначала они нашли монстра.

Глава восьмая

На второй день поисков Жан Ги Бовуар приехал в Три Сосны и присоединился к остальным.

Это была нудная, монотонная, изнурительная работа в темном сыром лесу. Но никто из жителей деревни не бросил ее, не сдался. Они подменяли друг друга, работали по два часа и почти все желали дойти до победного конца.

– Коронер согласилась, что травмы Лорана могли быть получены скорее в результате удара, чем падения на землю, – сказал Жан Ги. – Он был совсем маленьким, несмотря на свои девять лет. Расправиться с ним не составляло труда. Страшное дело – убить ребенка.

– Да, страшное.

– Я еще раз вернулся к фотографиям, а по дороге сюда остановился там, где это случилось. Вероятно, вы правы.

– Merci, – сказал Гамаш, поднял с земли палку, осмотрел ее и кинул себе за спину.

– И поскольку вы просили меня о помощи, вот самое малое, что я мог сделать.

Арман улыбнулся:

– Без тебя я просто пропаду.

Жан Ги огляделся. Они слышали шаги других участников поиска, но не видели их.

– Со мной вы тоже вполне можете пропасть.

Столетние слои опавших листьев высыхали и сгнивали на лесной земле, а потому из-под ног идущих поднимался терпкий древесный запах, нельзя сказать, что неприятный.

Листья наверху меняли окраску, и в лучах яркого солнца возникало впечатление, что люди идут под громадным куполом из витражного стекла.

– Сюда! – раздался крик.

Гамаш и Бовуар остановились и повернулись на голос.

– Я тут нашел что-то!

Это был месье Беливо, владелец продовольственного магазина. Высокий и худой, он стоял посреди леса и махал, чтобы его заметили. Гамаш и Бовуар ускорили шаг, потом перешли на бег.

Другие, услышав крик, тоже стали сворачивать в ту сторону.

– Стойте! – прокричал Гамаш и прибавил ходу, стараясь опередить остальных. – Arrêtez!¹⁶ Немедленно! Остановитесь!

И они остановились. Не сразу, но властные нотки в его голосе в конечном счете возымели действие, и все замерли на своих местах.

– Вы нашли палку Лорана? – спросил Бовуар, приблизившись к владельцу магазина.

– Non, – ответил месье Беливо. – Я нашел вот что.

– Что? – крикнула Антуанетта.

Она остановилась чуть дальше в лесу, в компании с Брайаном. Ее невозможно было не заметить или не узнать в этом ярко-розовом шерстяном свитере, на который налипли листья и кусочки коры. Она выглядела так, словно сбежала со страниц книги Доктора Сьюза. Сбежала от зеленых яиц и окорока¹⁷.

Месье Беливо показывал на что-то, но они не видели на что.

– Что там? – тихо спросил Гамаш, подходя поближе.

– Вы не видите? – прошептал месье Беливо.

¹⁶ Остановитесь! (фр.)

¹⁷ Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гейзель) – американский детский писатель и автор мультфильмов. Самая известная книга Доктора Сьюза – «Зеленые яйца и окорок».

Он описал рукой круг, но Гамаш увидел лишь более густую, чем в других местах, лесную чашу.

– Ни хрена себе, – раздалось за спиной у Гамаша.

Он подумал, что это, наверное, Клара, но не стал поворачиваться. Вместо этого Арман Гамаш остановился. Потом сделал шаг назад. И еще один.

И поднял голову.

– Merde, – услышал он шепот Жана Ги.

Теперь он посмотрел туда, куда указывал месье Беливо. Там, в переплетении выющихся стеблей, было небольшое отверстие. А за ним – чернота.

– Фонарик у тебя с собой? – спросил он у Жана Ги, протягивая руку.

– С собой, только я пойду первым, *patron*.

Бовуар надел перчатки, опустил на колени, включил фонарик и сунул в дыру голову. Он напомнил Гамашу (хотя Гамаш ни за что не сказал бы ему это) Винни-Пуха, чья голова застряла в горшке с медом.

– Что там? – спросил Гамаш.

– Не уверен. Вы должны взглянуть сами.

Сказав это, Бовуар залез в дыру целиком и исчез из виду. Арман последовал за ним, предварительно приказав всем оставаться на своих местах. Уговаривать никого не пришлось. Протискиваясь в отверстие, Гамаш увидел куски порванной камуфляжной сетки.

А потом он оказался в мире без солнца. Здесь царили темнота и тишина. Даже грызуны не копошились. Ничего. Кроме луча фонарика Бовуара.

Он почувствовал крепкую хватку Жана Ги – зять ухватил его за руку и помог подняться.

Никто не произнес ни слова.

Гамаш двинулся вперед и почувствовал на лице паутину. Смел ее, сделал еще один осторожный шаг вперед.

– Что это за место такое? – спросил Жан Ги.

– Не знаю.

Оба говорили шепотом, опасаясь потревожить то, что может здесь оказаться. Но интуиция Гамаша говорила ему, что здесь ничего нет. По крайней мере, ничего живого.

Жан Ги порыскал вокруг лучом фонарика, чтобы оценить ситуацию. Потом круговые движения луча замедлились.

Луч останавливался то тут, то там. Внезапно он замер, и Бовуар отпрыгнул назад, столкнулся с Гамашем и выронил фонарик.

– Что там? – спросил Арман.

Жан Ги быстро нагнулся за фонариком:

– Не знаю.

Но он знал, что здесь с ними есть что-то еще.

Бовуар повел лучом вверх. Вверх. Еще выше. И у Армана отвисла челюсть.

– Боже мой, – прошептал он.

Это было невероятно. Немыслимо.

Камуфляжная сетка и старые выющиеся стебли образовали громадное пространство. Полое пространство. Но не пустое. Внутри находилась пушка. Огромное артиллерийское оружие. В десять, в сто раз больше, чем все, что видел когда-либо Гамаш. Или о чем слышал. Или считал возможным.

А от основания лафета, словно из земли, тянулась вверх фигура.

Крылатый монстр. Извивающийся.

Гамаш шагнул вперед, но остановился, почувствовав, что наступил на что-то.

– Жан Ги, – сказал он, показывая на землю.

Бовуар направил туда луч фонарика, и в круге света они увидели палку.

Слух распространился быстро. Через несколько минут уже вся деревня знала: в лесу что-то найдено.

Ал и Иви Лепаж не пропускали ни одной смены, разыскивая в лесу палку сына, а отдыхали, только когда сырость и холод пронизывали их до костей и лишали сил.

Они сидели в бистро в минуты редкого отдыха, когда Жан Ги Бовуар быстрым шагом прошел в дом Гамашей. Лепажки последовали за ним и в дверях услышали, как он разговаривает с кем-то в местном отделении Квебекской полиции.

Потом он сделал еще один звонок – в свой отдел в Монреале. Просил прислать криминалистов.

– Что вы нашли? – спросила Иви от дверей кабинета.

За ней стоял Ал, полный решимости не выпускать Бовуара, пока тот не ответит.

– Мы нашли палку Лорана, – сказал Жан Ги.

Он говорил тихим, мягким голосом. Подтверждая их худшие страхи. О том, что на чердаке обитает призрак, под кроватью прячется монстр, а в подвале – вампир.

Монстры существовали. И один из них убил их сына.

– Я хочу увидеть это сам, – сказал Ал.

Они с Иви последовали за Бовуаром в лес, где их встретил Гамаш. Бовуар снова пролез внутрь сквозь дыру и начал проводить предварительное следствие, а Армана оставил снаружи, чтобы тот никого не пускал внутрь.

Габри и Оливье вернулись в деревню, чтобы встретить полицию и провести по лесу.

– Я не могу вас впустить туда, – сказал Арман Алу и Иви. – Извините. Пока не могу.

Ал Лепаж, и без того крупный, раздулся от ярости, даже его борода как будто стала гуще.

Если Арман надеялся, что Ивлин станет голосом разума, то он ошибался. Хотя она и уступала мужу в размерах, ее ярость была не меньше.

– Прочь с дороги! – рявкнула она, наступая на него и пытаясь оттеснить плечом в сторону.

Но Арман удержал ее на месте, обняв за талию, и прошептал в ее длинные растрепавшиеся волосы:

– Нет, Иви, пожалуйста. Пожалуйста, остановитесь.

Он знал, что бессмысленно звать к ее разуму, говорить, что она может уничтожить улики, что сначала туда должны пройти криминалисты.

Доводы рассудка тут не действовали, только инстинкты. Нечто первобытное. Она должна была попасть на то место – не туда, где ее сын умер, а туда, где прошла его последняя минута.

А Арман должен был остановить ее. Остановить их.

– Что еще там находится, Арман? – спросил Ал, беря жену за руку. – О чем вы не хотите нам говорить?

Гамаш не ответил.

– Мы слышали, Жан Ги по телефону вызывал подмогу, – не отступал Ал. – Он просил их привезти мощные фонари и прожектора. И приставные лестницы.

Отец Лорана посмотрел на стену зарослей, переплетенных, сросшихся стеблей, которые создавали практически непреодолимое препятствие. Кроме того, они создавали *trompe l'oeil*, оптическую иллюзию того, что перед вами просто густые заросли. Любой человек, случайно забредший сюда, подумал бы, что это самый обычный лес.

Но сюда никто никогда не забредал. Они находились в глубине леса, в полукилометре от Трех Сосен. С дороги, ведущей в деревню, можно было разглядеть лишь старую, заросшую тропинку, но даже и она исчезала метров через сто.

– Что там? – повторил Ал.

Гамаш посмотрел на родителей Лорана, на других участников поиска, включая и Рейн-Мари, – у всех на языке вертелся тот же вопрос.

– Я пока не могу вам сказать, – ответил Арман.

Тревожное выражение на лице Рейн-Мари стало еще явственнее.

– Не говорите нам все, – сказала Антуанетта. – Просто несколько слов, чтобы мы не беспокоились.

Эта просьба была вполне обоснованной, но Арман не мог ее удовлетворить. Пока не мог.

Послышался звук шагов по сухим листьям, и вскоре из-за деревьев появились трое – Габри и двое полицейских.

– Дальше мы сами, – сказал один из этих молодых агентов, отпуская Габри. Он посмотрел на жителей деревни, которые явно испытали облегчение, увидев полицию. – Почему мы здесь? – спросил он, оглядевшись. – Это что, шутка?

– Вовсе нет, – ответил Гамаш. Он шагнул вперед и протянул руку. – Меня зовут Арман...

– Разве я спрашивал, как вас зовут? Non. Я спросил, почему мы с напарником стоим здесь, посреди леса.

Оливково-зеленая форма молодого полицейского была жесткой и свежей. Но не после стирки, а оттого, что была почти неношенной.

Возможно, подумал Гамаш, сегодня первый день его работы. Почти наверняка первый месяц. Бовуар позвонил в полицию больше часа назад. Они явно не спешили с приездом.

У агента был раздраженный и надменный вид, рука его лежала на рукояти пистолета – он впервые вкусил, что такое настоящая власть.

На верхней части левого рукава его полицейской формы Гамаш заметил нашивку с именем.

Фавро.

Фамилия знакомая. И тут Гамаш вспомнил: это ведь та самая фамилия, которая стояла под рапортом о смерти Лорана. Тот самый полицейский, который сделал заключение о несчастном случае.

– Нам сказали приехать сюда, потому что здесь обнаружилось нечто странное. – Он посмотрел на Гамаша и спросил: – Это не вы, *mon vieux*?¹⁸

Его напарник одобрительно фыркнул.

– Вы хоть представляете... – начал было Габри, но Арман поднял руку, призывая его к молчанию.

– Представляю что? – поинтересовался полицейский.

– Полагаю, вам всем сейчас лучше вернуться домой, – сказал Арман участникам поиска. – Насколько я понял, Оливье ждет старшего инспектора Лакост?

Габри кивнул:

– Oui. Он покажет ей дорогу сюда.

Гамаш обратился к месье Беливо:

– Старший инспектор Лакост, вероятно, привезет приставные лестницы, но я надеюсь, у вас тоже есть.

– Лестницы? – переспросил владелец магазина. – Да, моя собственная, но я могу найти еще.

– Лестницы, Арман? – спросила Рейн-Мари, взглядевшись в лицо мужа, потом перевела взгляд ему за спину.

– Oui. И кстати, месье Беливо, ваши лестницы высокие?

– Конечно, – ответил Беливо.

Обычно невозмутимый, сейчас он казался слегка растерянным.

¹⁸ Стarina (*фр.*).

– Пойдите, – вмешался агент Фавро. – О чем это вы тут толкуете? Никто отсюда не уйдет, пока мы не получим объяснения!

Гамаш сделал шаг в его сторону, и агент отступил, положив руку на дубинку.

Гамаш наклонил голову, оценивая его движение. Потом повернулся к жителям деревни, которые с беспокойством наблюдали за происходящим.

– Вы можете идти, – сказал он.

– Арман? – позвала Рейн-Мари.

– Я скоро буду дома. – Он успокаивающе улыбнулся.

И они пошли прочь, время от времени оглядываясь на этого крупного человека и двух молодых людей, принявших боевую стойку в чаще древнего леса. Трудно было отделаться от впечатления о двух проворных молодых волках, готовящихся напасть на оленя. И не имеющих понятия о том, каким опасным может быть олень.

Родители Лорана не двинулись с места, но Гамаш и не рассчитывал, что они уйдут. У них было особое положение.

Гамаш повернулся к двум молодым агентам:

– Вы их видите?

Они не ответили, и он продолжил:

– Это Ивлин и Ал Лепаж. Несколько дней назад они потеряли сына. Насколько я понимаю, именно вы составляли заключение.

– Да, – ответил агент Фавро. – Несчастный случай. Мальчик не удержал велосипед на дороге. При чем тут та история?

– Его смерть не была несчастным случаем. – Гамаш понизил голос, чтобы его не слышали Лепаж, хотя они и так знали это. – Его убили здесь, а тело выкинули в тот овраг. Вещественное доказательство находится вон там. – Гамаш повернул голову назад.

– Где? – спросил агент Фавро.

– Отсюда трудно увидеть. Место спрятано под сетью.

– Покажите мне, – велел агент, направляясь к Гамашу, но тот преградил ему дорогу.

– Прошу вас, ни шагу дальше, – сказал он, глядя в глаза молодому копу. – Вы рискуете уничтожить улики.

– А вы рискуете помешать следствию.

– Я пригласил вас сюда, чтобы охранять место преступления, пока не придут криминалисты из Монреаля, – сказал Гамаш.

– Вы пригласили нас сюда? – Агент рассмеялся. – Мы не гости на вашей вечеринке. Отойдите и не мешайте.

– Я никуда не отойду, – сказал Гамаш. – Вы не готовы для таких действий. Я тоже работал в Квебекской полиции. Пусть криминалисты из отдела убийств делают свое дело, а вы делайте свое.

– Отойдите, или я буду вынужден применить силу. – Фавро взял в руку дубинку.

От неожиданности Гамаш широко раскрыл глаза. Молодой полицейский ошибочно принял это за испуг и ухмыльнулся:

– Ну же, старик, дай мне повод!

– Господи, неужели вы учились в академии? – спросил Гамаш.

– Перестань говорить со мной таким тоном, иначе ты узнаешь, как академия обучила нас обходиться с людьми, которые мешают полиции исполнять свои обязанности.

– Фавро, – прошептал агент Брассар, но его напарник ничего не хотел слышать.

– Ты будешь моим первым арестованным. Арестованным, который, как я подозреваю, окажет сопротивление.

Гамаш посмотрел на него с такой тревогой, что тот рассмеялся:

– Что, наложил в штаны, mon vieux? А ну-ка, прочь с дороги!

Агент хотел было пройти мимо Гамаша, но тот встал перед ним.

– Стой! – приказал Гамаш. – Назад!

Удивленный властными интонациями его голоса, Фавро отступил.

– Вы новенькие, – сказал Гамаш. – Я прав?

Брассар кивнул, но Фавро не шелохнулся.

– Я понимаю, вы хотите отличиться, но ваша работа состоит не в том, чтобы запугивать граждан. И не в том, чтобы собирать улики, а в том, чтобы охранять их. Вам повезло. У вас будет возможность наблюдать, как работает отдел по расследованию убийств в реальной ситуации. Большинству агентов приходится ждать годы, прежде чем им выпадает такой случай. – Он понизил голос. – Но для Ивлин и Алана Лепаж это не уголовное дело. Погиб их сын. Их ребенок. Никогда не забывайте об этом.

– Не учите меня, что мне нужно делать, – огрызнулся Фавро.

– Кто-то ведь должен. Вы слышали, как я сказал, что мальчика убили? А вы подписали отчет, в котором утверждается, что произошел несчастный случай. Вы напортачили. Это ваше первое дело, а вы не смогли должным образом расследовать его. Не обратили внимания, что тело лежит в положении, не соответствующем вашей версии.

Он смотрел в глаза молодого человека. В глаза, которые теперь излучали настоящую агрессию.

– Вы молоды, вы новичок на этой работе. Ошибки случаются. И когда такое происходит, нужно на них учиться. Вы должны подойти к родителям мальчика, признать свою ошибку и извиниться. Не потому, что я вам так говорю, а потому, что именно так вам и следует поступить. – Гамаш немного понизил голос и посмотрел на агента Фавро с искренним сочувствием. – В вашей жизни наверняка есть люди, которые учили вас этому.

Агент Брассар, который внимательно слушал Гамаша, шагнул в сторону Лепажей, но агент Фавро остановил его.

– Не хватало еще, чтобы какой-то вышедший в тираж старый коп учил нас жить, – фыркнул он.

– Я рад, что вы уже здесь, офицеры, – сказал Бовуар, вылезая из отверстия в зеленой стене. Он достал свое удостоверение и показал им. – Инспектор Бовуар, отдел по расследованию убийств. Вижу, вы уже познакомились с месье Гамашем.

– Да, сэр, познакомились, – ответил Фавро. – Я как раз объяснял ему обязанности граждан по отношению к полиции. Насколько я понял, он служил в Квебекской полиции, а значит, должен знать, что лучше не вмешиваться в действия полицейских.

Бовуар поднял брови:

– А он вмешивался? – Бовуар повернулся к Гамашу. – И им пришлось вам разьяснять. Мне казалось, что порядок расследования не особо изменился после вашего ухода из полиции.

– Появились довольно существенные различия, – ответил Арман.

– Правда? Но ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как вы были главой отдела по расследованию убийств.

Бовуар повернулся к агентам и увидел, как расширились глаза Брассара.

– Да-да, – сказал Бовуар, наклоняясь к ним. – Ну вы и облажались, ребята!

Гамаш и Бовуар отошли в сторону от полицейских и, сблизив головы, принялись обсуждать находку.

– Идиот, ты хоть понимаешь, кто это? – прошипел агент Брассар в ухо Фавро. – Старший инспектор Гамаш. Тот самый, который раскрыл заговор в полиции. Ты что, не видел его в новостях на процессе? На следствии?

Он посмотрел на Гамаша и Бовуара, которые стояли бок о бок, наклонив друг к другу головы. Инспектор Бовуар говорил, а отставной старший инспектор слушал и кивал.

– Бывший глава отдела. Бывший, – подчеркнул Фавро. – Да, я видел его в новостях. Но он ушел из полиции. Он никчемный, жалкий старик, который не вынес давления и сбежал в эту дыру.

Гамаш и Бовуар, стоявшие в нескольких шагах, слышали слова Фавро.

– Хотите, чтобы я... – начал Жан Ги, но Гамаш улыбнулся и покачал головой:

– Не обращай внимания. Нашел что-нибудь?

Бовуар кинул взгляд на Лепажей, которые внимательно следили за ними.

– Она была засунута сбоку от входного отверстия. Там я ее и оставил для криминалистов.

– Ты о чем?

– Вам, пожалуй, лучше самому посмотреть.

Гамаш снова пролез вслед за Бовуаром через входное отверстие и увидел находку Жана Ги. Там под гниющими листьями лежала кассета для магнитофона. Арман наклонился и прочел надпись.

– Пит Сигер, – сказал он, выпрямившись. – Судя по всему, старая запись. – Он вытащил из нагрудного кармана очки и изучил находку внимательнее. – Но похоже, она здесь недавно. На ней есть земля, но ни мха, ни плесени.

– Я тоже так думаю, – кивнул Бовуар. – Как она сюда попала? И кто сегодня еще слушает кассеты? И кто такой Пит Сигер?

Гамаш присел на корточки и уставился на кассету, освещенную лучом фонарика. Он ощущал окружающую их темноту, остро ощущал то, что высилось у них за спиной.

– Он был американец, исполнитель народных песен. Очень влиятельный защитник прав человека и активист движения за мир.

– А-а, – сказал Жан Ги.

«А-а», – подумал Гамаш.

Снаружи до них донеслись знакомые голоса. Они выбрались из норы и увидели старшего инспектора Лакост, которая приносила соболезнования Лепажам. Позади нее Оливье как раз опускал на землю приставную лестницу, а команда криминалистов разбиралась с прожекторами и лестницами и раскручивала кабель для подачи электричества.

Изабель Лакост обратилась к Бовуару и Гамашу, возникшим перед ней как по волшебству:

– Откуда вы взялись?

– Оттуда. – Бовуар махнул рукой за спину.

– Откуда?

Лакост пригляделась и широко раскрыла глаза от удивления.

– Что это? – спросила она.

– Камуфляжная сетка и заросли.

– И что она камуфлирует?

– Думаю, тебе стоит посмотреть, – сказал Бовуар.

Старший инспектор Лакост повернулась к Гамашу:

– Не хотите ли?.. – и показала на вход в нору.

Но он покачал головой и слегка улыбнулся:

– Non, merci. Это твое следствие. А я иду домой, если не возражаешь.

– Oui. Ой, секундочку, patron...

Гамаш остановился в двух шагах от нее, и Лакост подошла к нему:

– Извините. Я ошибалась в деле Лорана. Нужно было смотреть внимательнее.

– Я знаю, ты найдешь того, кто его убил. И только это имеет значение.

Гамаш проводил ее взглядом, дождался, когда она скроется в отверстии, потом подошел к двум молодым агентам.

– Вы, конечно же, думаете, что это ниже вашего достоинства, – сказал он. – Считаете меня старым слабаком. И все же я прошу вас: будьте внимательны. Смотрите на мир широко открытыми глазами. Я не шучу. Вам ясно?

– Да, сэр, – ответил агент Брассар.

– Агент Фавро?

– Вы больше не служите в полиции. Вы мне не начальник.

Гамаш заглянул в его дерзкие глаза.

– Ну-ну.

Лакост огляделась, привыкая к необычной обстановке. Инспектор Бовуар дал указания криминалистам и, когда те взялись за работу, присоединился к Лакост.

Они вместе подошли к тому месту, где агенты натягивали желтую полицейскую ленту. Бовуар пошарил лучом фонарика по земле и остановил круг света на палке. Она лежала футах в десяти от входа.

– Здесь его и убили? – спросила Лакост.

– Я думаю, да.

Она кивнула, а затем сама стала обшаривать лучом фонарика землю, описывая все бóльшие круги, захватывая все большее пространство. Но инспектор Бовуар сэкономил ее время.

Техники уже установили привезенное световое оборудование, и Бовуар включил один из прожекторов, направив его вперед.

Изабель Лакост инстинктивно отпрянула, и даже Бовуар, знавший, что там находится, почувствовал, как учащенно забилося его сердце. Вокруг них остановилась работа слаженной команды криминалистов: издававшие виды агенты уставились на открывшееся им зрелище.

– Mon Dieu, – услышали они чей-то шепот, но слова растворились в этом глухом пространстве.

В ярком, мощном луче прожектора пушка выглядела еще массивнее, чем в свете фонарика. Только теперь они начали осознавать истинный масштаб конструкции.

Агенты направляли на нее лучи, словно брали под прицел, обшаривали со всех сторон, но так и не могли полностью охватить ее громаду.

– Он говорил правду, – задыхаясь, произнесла Лакост. – Господи, значит, Лоран все-таки не врал.

Перед ними стояла громадная пушка, артиллерийское орудие, его длинный ствол уходил в даль, недоступную для установленных прожекторов, и терялся в темноте.

Жан Ги перевел луч прожектора на лафет. И тогда они увидели выгравированного на металле монстра, который словно выползал из земли, извиваясь и корчась. Его крылья были раскинуты, множество его змеиных голов переплетались шеями, как стебли растений, за которыми он скрывался много десятилетий.

– Нам понадобится больше света, – сказала Изабель Лакост. – И лестницы подлиннее.

Глава девятая

Лепажки оставили свой грузовичок на дороге у бистро, и Гамаш вместе с ними дошел до машины.

– Я прослежу, чтобы вам сообщили обо всем, – сказал Гамаш, наклонившись к открытому окну, когда Ал завел двигатель.

– Пока нам ни слова не сказали, – заметила Иви. – Кроме того, что внутри этой норы нашли палку Лорана. Как она там оказалась?

– Мы знаем, как она там оказалась, Иви, – сказал Ал. – Лорана убили там, а потом унесли оттуда, ведь так?

Гамаш кивнул:

– Старший инспектор Лакост и ее команда через несколько часов будут знать больше, но пока складывается именно такое впечатление.

– Но что Лоран делал там? – спросила Иви. – Он кого-то застукал? Что там внутри? Нарколаборатория или посадки марихуаны? Он что, наткнулся на наркоторговцев? Почему его убили, Арман?

– Я не знаю.

– Но вы знаете, что там находится, – настаивал Ал. – Что нашел Лоран.

– Пока я не могу сказать больше, – произнес Арман.

– Можете, – возразил Ал. – Просто не хотите. Знаете, вы делаете только хуже, скрывая это от нас.

– Извините, – сказал Арман, отступая назад, и Ал нажал на газ.

Потрепанный пикап объехал деревенский луг, поднялся по склону и исчез из виду. Гамаш проводил его взглядом и пошел домой, погруженный в размышления.

Он знал все, о чем его спрашивали Лепажки. Но он знал и кое-что еще.

Когда он наклонился к открытому окну машины, то заметил несколько магнитофонных кассет, рассыпанных на панели между сиденьями.

– А где Рут?

Мирна не могла и подумать, что когда-нибудь задаст такой вопрос.

– Не знаю, – ответила Клара, окинув взглядом переполненное бистро. – Обычно к этому времени она уже здесь.

Часы показывали половину шестого, и все места были заняты. В зале стоял такой гул, что они почти не слышали собственных слов.

Клара увидела месье Беливо у дверей, соединяющих пекарню Сары с бистро. Он оглядывал зал.

– Спрошу у него, может, он ее видел, – сказала Клара, встала и, выписывая изящные кривые, двинулась по залу.

Проходя между столиками, она ловила обрывки разговоров. Слова и язык могли быть разными, но смысл оставался одним и тем же.

– Meurtre, – слышала она произносимое вполголоса слово.

– Убийство.

А потом еще тише:

– Mais qui?

– Но кто?

И взгляд украдкой на лица. Вокруг сидели друзья, знакомые, соседи, приезжие. На кого, словно топор, обрушится подозрение?

Клара всегда находила утешение в бистро, и в еще большей степени – после смерти Питера. Но даже эта успокоительная атмосфера сегодня давила на нее. Слова, которые она с таким трудом начала изгонять из своих мыслей, появились снова. Свежие, новые, мощные слова. «Убийство», «вина», «преступление» вытесняли из бистро то, что ее утешало.

Лоран умер, и вполне возможно, что его убил кто-то из сидящих здесь.

– Вы не видели Рут? – спросила Клара у месье Беливо.

– Non. Пока не видел. Ее здесь нет?

– Нет.

– У меня для нее кое-какая бакалея. Я принесу и запишу на нее.

По пути назад к столику Клара перехватила еще кое-какие разговоры:

– ...наркотики. Картель...

– ...алкоголь, оставшийся после сухого закона...

За одним из столиков посетители слушали страстную речь человека, который рассказывал им о Зоне 51¹⁹ и о неопровержимых доказательствах того, что несколько десятилетий назад инопланетяне высадились в штате Нью-Мексико. А также, по утверждению оратора, в Квебеке.

– Помяните мои слова, там космический корабль, – говорил он. – Ведь парнишка постоянно предупреждал нас о вторжении.

Как это ни невероятно, но люди за столиком – а Клара знала их как людей благоразумных и вдумчивых – кивали. Такое объяснение устраивало их больше, чем признание того, что один из них вдруг превратился в чужака и убил мальчика.

Клара с мрачным лицом села рядом с Мирной:

– Ты слышала, о чем болтают люди?

– Да. Ужас какой-то. За тем столиком заказывают все новые и новые порции выпивки и поговаривают о том, чтобы отправиться в лес и силой проникнуть в то, что мы там нашли.

Мирна отодвинула от себя стакан красного вина. Она знала, что природа не терпит пустоты и люди, столкнувшись с информационным вакуумом, заполняют его своими страхами.

Грань между фактом и вымыслом стиралась. Узда, которая держала людей в рамках дозволенного, истончалась. Они видели, слышали, чувствовали, как разваливается мир.

Большинство посетителей бистро знали Лорана. Они беспокоились и о своих детях. Они устали, замерзли, в отсутствие фактов их переполняли страхи и выпитое. Хорошие люди, испуганные люди. И испуганные не без оснований.

Оливье, наклонившись, поставил на столик вазочку со смесью орехов и прошептал:

– Я хочу прекратить на сегодня продажу алкоголя.

– Наверное, это будет правильно, – откликнулась Мирна.

Клара встала:

– Мне кажется, Арману нужно прийти сюда. Я думаю, он держался в стороне, чтобы не усложнять ситуацию, но теперь она выходит из-под контроля.

От столика в углу раздались громкие голоса, когда Габри сказал, что алкоголь им больше отпускаться не будет.

Клара подошла к телефону у стойки бара и позвонила Гамашам.

– Правда ли то, что я слышала, Клеман? – спросила Рут, когда старый владелец магазина уселся на стул в ее гостиной.

– А что ты слышала? – спросил он.

– Что ребенка убили.

¹⁹ Зона 51 – засекреченная военная база США на юге штата Невада.

Последнее слово она произнесла так, будто оно не несло никакой эмоциональной нагрузки, ничем не отличалось от других слов. Но ее худые руки дрожали, и она сложила пальцы в маленькие, мощные кулачки.

– Да.

– И они нашли что-то в лесу, там, где убили Лорана.

– Да. Я показал им дорогу, – сказал месье Беливо. – Тропинку. Больше никто ее не увидел. Там сплошные заросли.

Рут кивнула. Она считала, что воспоминания стерлись, затерялись под множеством других событий. Написанные стихи, изданные книги, полученные награды. Обеды и разговоры. Новые соседи. Новые друзья. Роза.

Долгие годы накопления плодородной почвы.

Но теперь это вернулось, процарапалось на поверхность. То темное дело.

– Что там, Клеман? Что они сделали?

Как только Арман и Рейн-Мари вошли в бистро, все разом замолчали.

В этом приветливом зале с балками на потолке и гостеприимно разожженными каминами, где не было места плохому настроению и сердитым лицам, наступила тишина.

– Возникла какая-то проблема? – спросил Арман, переводя спокойный взгляд с одного знакомого лица на другое.

– Да, – сказал человек, вставая из-за столика в глубине. – Мы хотим знать, что вы нашли в лесу.

Габри, Оливье и их официанты воспользовались моментом, чтобы унести выпивку со столов и выставить подносы с хлебом и сыром.

– Мы имеем право знать, – сказал еще один посетитель. – Здесь наш дом. У нас дети. Нам необходимо знать.

– Вы правы, – ответил Гамаш. – Вы имеете право знать. Вам необходимо знать. У вас дети и внуки, которым нужна защита. Один ребенок убит, и мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить других трагедий.

Когда все поняли, что он согласен с ними, злость рассеялась.

– Но понимаете, проблема вот в чем, – продолжил Арман, проходя в середину зала. Голос его звучал спокойно, убедительно. – Существует возможность, что Лорана убил один из вас.

Рейн-Мари, остановившаяся рядом с ним, прошептала:

– Арман?

Но тут она увидела его решительный профиль. Его глаза, изучающие лица соседей, смотрели твердо. Он излучал уверенность и спокойствие.

Рейн-Мари обвела взглядом посетителей быстро. Они вдруг протрезвели. Успокоились. Его слова больно били их, вышибали из них хмель, вышибали ярость, спесь.

Несколько человек сели. Потом к ним присоединились другие. Наконец уселись все.

Гамаш сделал глубокий, долгий вдох:

– Я не говорю ничего такого, о чем вы сами уже не догадались. О чем не говорили друг другу. Вы наверняка оглядывались вокруг и спрашивали себя, кто убийца. Кто из вас пресек жизнь девятилетнего мальчика.

И они снова принялись оглядываться и опускали глаза, встречая взгляд друга или соседа.

– Я знаю, что нашли в лесу, – сказал он. – И мог бы сказать вам, но не скажу. Не потому, что хочу что-то скрыть от вас. Вовсе нет. А потому, что это затруднит поиски убийцы. Может быть, он сейчас сидит здесь, надеясь, что вы все броситесь в лес. Он молится о том, чтобы вы затоптали улики. Убийце легче скрыться в хаосе. Вы не должны облегчать ему жизнь.

– Тогда что мы должны делать? – спросила женщина.

– Не ходить в лес. Не пускать в лес ваших детей. Вы должны быть абсолютно открытыми и честными, отвечая на вопросы следователей. Чем больше света прольется на дело, тем меньше останется темных углов, где может скрыться убийца. Лорана убил не какой-то серийный убийца или заблудший сумасшедший. Убийца имел свои причины. Вы не должны допустить, чтобы вы и ваши дети оказались на его пути или помешали следователям.

Он сделал паузу, давая им возможность осознать его слова.

– Мы, я и Рейн-Мари, гордимся соседством с вами. Дружбой с вами. Мы могли бы поселиться где угодно, но выбрали Три Сосны. Из-за вас.

Гамаш взял жену за руку, и они вместе прошли вглубь погрузившегося в тишину быстро.

– Вы не возражаете? – спросил он у Клары и Мирны.

– Прошу, – ответила Клара, показывая на свободные стулья.

Постепенно зал стал заполняться гомоном голосов, звучавших теперь, после того как возобладал разум, гораздо тише. На какое-то время.

Клара увидела, что Арман, сидящий напротив нее, на миг закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Готова поспорить, что, когда Арман ушел в отставку, вы думали, что все разговоры об убийствах остались позади, – сказала Мирна.

– Ну, мы ведь переехали в Три Сосны, так что сомнения оставались, – улыбнулась Рейн-Мари.

– Ратрон, – сказал Оливье, наклоняясь к уху Гамаша. – Изабель позвонила из здания старого вокзала. Она хочет поговорить с вами.

– Ты не возражаешь? – спросил Гамаш у Рейн-Мари.

Уходя, он услышал, как Клара обратилась к его жене:

– Ну, так он вам сказал, что они там нашли?

Рут открыла свой затрепанный блокнот на странице, которую читала перед приходом месье Беливо.

Он уже вернулся в бистро. Рут обещала, что подойдет туда позже. Чтобы притвориться, что она в нормальном состоянии, если таковое вообще существовало для Рут. Для Трех Сосен. Для всех.

Она разгладила страницу, ненадолго задумалась, потом прочитала:

Все дети грустны,
но некоторые преодолевают это.
Сочти свои дары от Бога. А лучше
купи шляпку. Купи пальто или котенка.

Рут посмотрела на Розу, похрапывающую во фланелевом гнездышке. Утка издавала звук, похожий на «бред-бред-бред». Рут улыбнулась.

Займись танцами, чтобы забыть²⁰.

²⁰ Из стихотворения Маргарет Этвуд «Грустный ребенок».

Глава десятая

Оперативный штаб Квебекской полиции снова разместился в здании старого вокзала, который давно уже не использовался как вокзал. Длинное кирпичное здание по ту сторону речушки Белла-Белла занимала добровольная пожарная команда во главе с Рут Зардо, которая, как всем было известно, водила знакомство с адским огнем.

А сейчас вокзал служил вместилищем для команды, занятой еще более скорбными делами.

В здании старого вокзала кипела жизнь – техники и агенты устанавливали оборудование, необходимое для расследования современного убийства. Столы, компьютеры, принтеры, сканеры. Телефонные линии. Много линий, поскольку деревня располагалась в долине среди гор, куда не был проведен высокоскоростной Интернет и не доходили даже сигналы со спутника. Им приходилось пользоваться телефонной линией и модемами.

Подобная техника действовала на нервы, раздражала и работала ужасающе медленно.

Арман Гамаш только что пришел сюда и остановился посреди этого бурления. Теперь ему было под шестьдесят, а когда он поступал в Квебекскую полицию, не существовало даже факсов и последним достижением техники считался телетайп.

Изабель Лакост, глядя на Гамаша, вспомнила свое первое участие в расследовании убийства под руководством старшего инспектора. Они оказались тогда в охотничьем лагере с трупом и отпечатками пальцев, но не имели возможности передать информацию криминалистам.

Старший инспектор Гамаш снял тогда телефонную трубку, отвинтил ее нижнюю часть, удалил микрофон и подключился к линии напрямую.

«Вы закоротили телефон?» – спросила Изабель.

«Вроде того», – ответил он. И показал, как это делается.

«Ну и работенка у вас была в прежние времена, – заметила она. – Когда ничего другого еще не придумали».

«Оставалось больше времени на размышления», – сказал Гамаш.

А потом они сидели у печки и размышляли. И к тому времени, когда информация дошла по телефонной линии до получателя, они раскрыли дело.

Теперь Изабель стала старшим инспектором. И смотрела на всю эту устанавливаемую аппаратуру в полной уверенности, что техника играет решающую роль в раскрытии дела.

Но она знала, что это еще не все. И Жан Ги Бовуар знал.

И человек, который только что вошел, тоже знал.

– Спасибо, что пришли, сэр, – сказала она, пробираясь вместе с ним через провода и коробки.

– Всегда рад, – ответил Гамаш. – Чем могу быть полезен?

Изабель показала на стол для совещаний в дальнем углу вокзального помещения.

– Настало время подумать, – ответила она и увидела улыбку на его лице.

Она помедлила у стула во главе стола. Неловкая ситуация. Прежде это место неизменно занимал старший инспектор Гамаш.

Но на сей раз он прошел мимо и сел слева от нее. Оставляя инспектору Бовуару место по правую руку от Изабель.

Арман Гамаш знал свое место. Собственно говоря, он сам его и выбрал.

– Итак, вот что нам известно, – сказала Лакост. – У нас есть огромная пушка, спрятанная в лесу, и мальчик, которого убили рядом с ней, а затем перенесли тело в другое место. Вы знали Лорана лучше, чем мы, – сказала Лакост Гамашу. – Что, по-вашему, произошло?

– Очевидно, он обнаружил оружие, – сказал Гамаш. – И похоже, кто-то очень не хотел, чтобы мальчик рассказывал о своей находке.

– Но он уже многим успел рассказать, – возразил Жан Ги. – Для начала – всем нам. Все в бистро тогда слышали его.

– Возможно, убийца не знал этого, – ответил Гамаш. – Возможно, его не было в бистро в тот момент.

– Значит, по-вашему, после нас он рассказал свою историю кому-то еще? – спросила Лакост. – Человеку, который убил его, чтобы заставить замолчать?

Гамаш кивнул:

– Не исключено также, что он сам по себе снова отправился туда и наткнулся на преступника. Хотя на первый взгляд кажется, что там никто не бывает.

– Мы будем знать больше, когда криминалисты закончат, – сказала Лакост. – Но у меня тоже создалось такое впечатление.

– И что же мы тогда имеем? – спросил Бовуар.

– Я думаю, убийца Лорана плохо его знал, – сказал Гамаш.

– Почему вы так думаете? – спросил Жан Ги.

– Ну, прежде всего, он поверил Лорану. Парень он был замечательный, но большой фантазер. Все знали, что он любит присочинить, и рассказ про пушку ничем не отличался от остальных его историй. Гигантская пушка в лесу, больше дома.

– А на ней монстр, – добавила Лакост.

Словно призрак, перед ними возник мальчик. Худенький. Заляпанный грязью и листьями, взволнованный. Глаза горят. Руки распахнуты во всю ширину. Рассказывает очередную свою небылицу. Такую невероятную, что невозможно поверить.

Но кто-то услышал его историю. И поверил в нее.

– Убийца, вероятно, понял, что на сей раз Лоран говорит правду, – сказал Бовуар.

– Exactement²¹, – кивнул Гамаш.

– Вы думаете, кто-то знал про пушку и хранил эту тайну долгие годы? Десятилетия? – спросила Лакост.

– Может, даже охранял ее, – подхватил Бовуар, которому понравилась такая версия. – И тут Лоран находит пушку. Катастрофа. Он решает заткнуть рот мальчику единственным возможным способом – убийством.

– Кто мог знать, что там спрятана пушка? – вслух подумала Лакост.

– Прежде всего тот, кто поставил ее туда, – ответил Гамаш.

– Вы думаете, создатель пушки все еще жив? – спросила Лакост.

– Возможно, – сказал Гамаш, подаваясь вперед.

– Кому еще Лоран рассказал о пушке? – спросила Лакост. – Куда он отправился из бистро?

– Домой, – ответил Бовуар, посмотрев на Гамаша. – Вы отвезли его домой.

– Да, отвез. Можно мне?

Гамаш показал на собранные ими улики. Они лежали в пакетиках на столе.

– Oui, – кивнула Лакост. – Они очищены, отпечатки пальцев сняты.

Гамаш взял кассету. «Лучшие песни Пита Сигера».

Он прочитал список песен. «Куда исчезли все цветы?». «Майкл, гребни к берегу». «Уимове»²². Гамаш улыбнулся. Это была любимая песенка Анни в детстве. Он тоже любил Пита Сигера. Точнее, любил до тех пор, пока не провел первый год ее жизни, ежечасно слушая «Сегодня ночью лев спит». Днем и ночью.

²¹ Именно (фр.).

²² «Сегодня ночью лев спит», песенка, известная также как «Уимба уей», или «Уимове, уимове», написана южноафриканским певцом зулусского происхождения в 1920-е годы. Стала известна на Западе в том числе благодаря исполнению группой «The Weavers». Названия «Уимба уей» или «Уимове, уимове» являются искаженным зулусским словом «мбубе» – «лев».

Он просмотрел другие названия. Все классические народные песни, включая «Как было, так и будет». Гамаш и забыл, что эту песню, основанную на тексте Екклесиаста, написал Пит Сигер.

- Всему свое время²³, – произнес он.
- Pardon? – переспросила Лакост. – Что вы сказали?
- У Ала Лепаж в машине много магнитофонных кассет.

Он протянул ей кассету, думая: неужели, доставив тогда Лорана домой, он отдал его в руки убийцы?

- Генерал Ланжелье? Говорит старший инспектор Лакост из Квебекской полиции.
- Добрый вечер, старший инспектор.

В голосе генерала прозвучала настороженность. Поздний звонок на армейскую базу явно не доставил ему удовольствия. Изабель почти видела, как он смотрит на часы и думает: уж лучше бы вторжение Соединенных Штатов, чем этот звонок.

Шел девятый час, и она осталась в оперативном штабе одна. А перед этим им принесли сэндвичи и кофе из бистро, и они поели, не отрываясь от работы.

Изабель отправила Жана Ги в гостиницу договориться о размещении, а сама уселась заканчивать бумажную работу. Как часто она сама вот так оставляла старшего инспектора Гамаша одного в каком-нибудь оперативном штабе на отшибе, в сарае, лачуге, на заброшенной фабрике. И там до поздней ночи горела одинокая лампочка.

Вот и сейчас наступил вечер. А в оперативном штабе теперь горел ее свет.

Изабель сидела перед компьютером, разглядывая фотографии на экране. Потом нашла номер телефона и позвонила на армейскую базу Валькартье.

И только напористостью и завуалированными угрозами она добилась, чтобы ее соединили с командиром базы в его доме.

- Чем могу вам помочь, старший инспектор?
- Я расследую дело об убийстве, и мне необходима ваша помощь.

После паузы она снова услышала настороженный голос:

- Дело как-то связано с базой Валькартье? Замешан один из наших солдат?

– Нет, сэр, нам ни о чем таком не известно. Убийство произошло в Восточных кантонах, неподалеку от границы с Вермонтом.

– Тогда почему вы звоните мне? Вы наверняка знаете, что мы расположены далеко от тех мест.

– Да, сэр. Ваша база находится близ Квебек-Сити. Но мы нашли кое-что, и наша находка может заинтересовать вас.

- Что же вы нашли?

Тревога ушла из его голоса, появилось любопытство.

– Громадную пусковую установку. Я поискала в Интернете, но не нашла ничего хотя бы отдаленно похожего на нее.

– Пусковая установка? В Восточных кантонах? – В голосе генерала отчетливо послышалась тревога. – У нас там нет никаких баз. Никогда не было. Как она там оказалась?

Изабель чуть не рассмеялась:

– Поэтому я вам и звоню. Мы не знаем. А установка, которую мы нашли, необычная. Как я уже сказала, она громадная.

– Ну да, они такие и есть, – сказал он. – Вы уверены, что нашли пусковую установку? Может, это какой-нибудь фермерский инструмент или буровой станок?

- Могу послать вам фотографии.

²³ Слова из Екклесиаста (3: 1), использованные в песне Пита Сигера.

– Если вам угодно, – вяло произнес генерал.

Он дал ей свой электронный адрес с защищенным доступом, и она узнала о прибытии ее письма по словечку «merde», которое он прошептал, увидев фотографии.

Наступила пауза, пока он рассматривал вложения.

– А рядом стоит человек? – спросил Ланжелье, когда обрел способность к членораздельной речи.

– Oui.

– Tabernac²⁴, – выругался он. – Вы уверены?

– Я сама сделала сегодня эти снимки. Ведь это пусковая установка, верно? Не доильная машина?

– Oui, – растерянно подтвердил генерал. – Не знаю, что вам сказать, старший инспектор. Никогда не видел ничего подобного. Откровенно говоря, хотя размеры громадные, штукавина вроде бы довольно древняя, возможно времен Второй мировой.

– Может, она осталась с тех времен? Поставили ее там для обороны, а потом забыли?

– Мы не оставляем оружия в лесах, – сказал он. – И оборону в то время вынесли на побережье, а не вглубь страны. Она действующая?

– Мы не знаем. Поэтому я и звоню вам. Нам нужна помощь, чтобы понять, с чем мы имеем дело.

– А снарядов вы там не заметили? – спросил генерал. – Орудие заряжено?

– Мы ничего не обнаружили, но продолжаем искать. Пока кажется, что, кроме пусковой установки, там ничего нет. Вы можете прислать кого-нибудь?

В трубке послышался вздох, и Изабель почти увидела, как генерал чешет в затылке.

– Честно говоря, наши специалисты по баллистике и тяжелым вооружениям знакомы лишь с современным оружием. С межконтинентальными баллистическими ракетами. Сложными системами. А тут динозавр какой-то.

Лакост посмотрела на фотографию на экране. Генерал был прав. В буквальном смысле. Они откопали некое доисторическое животное.

Но почему его спрятали? И кто, черт возьми, его создал? Для каких целей?

И почему сохранить эту тайну было так важно, что ради этого пришлось убить Лорана?

– Давайте-ка я подумаю, а после свяжусь с вами, – сказал генерал.

– Дело, как вы понимаете, секретное, – напомнила Лакост.

– Да, понимаю. Сделаю, что смогу.

Лакост поблагодарила его и повесила трубку. Кое о чем она ему не сказала. О рисунке на лафете орудия.

Изабель Лакост заставила себя успокоиться, жалея, что в здании старого вокзала так темно, тихо и одиноко, потом кликнула по следующей фотографии и стала разглядывать крылатого монстра. Даже на фотографии, даже на расстоянии он производил сильное впечатление. Впечатление ужаса.

Она смотрела на монстра и спрашивала себя, почему не сказала командиру базы в Валькартье о монстре с семью змеиными головами. Может быть, потому, что вспомнила мальчика, вбегающего в бистро с историей про громадную пушку.

Как и говорил Гамаш, если бы Лоран ограничился рассказом только про пушку, они, возможно – всего лишь возможно, – поверили бы ему. Но он в своем рассказе зашел слишком далеко, и его история стала невероятной.

Лакост знала, что генерал Ланжелье почти наверняка не оценил в полной мере размеры орудия. Ни одна фотография не могла их передать, даже притом что для масштаба рядом с

²⁴ Франко-канадское ругательство.

орудием поставили агента. И она подозревала, что крылатый монстр не вызвал бы доверия у генерала.

Изабель Лакост разглядывала изображение на лафете. Она не могла не признать, что поверить в такое невозможно.

Жан Ги Бовуар распаковал сумку, повесил рубашки и брюки в стенной шкаф, нижнее белье уложил в сосновый комод, а туалетные принадлежности отнес в просторную ванную.

Он договорился с Габри о номерах в гостинице для Лакост и для себя на такой срок, какого потребует расследование. Габри дал ему тот же номер, в котором Бовуар уже не раз останавливался, – с большой кроватью, крахмальным бельем и теплым пуховым одеялом. С полом из широких сосновых досок и с восточными ковриками.

Жан Ги отдернул занавеси и увидел свет в окне старого вокзала.

Оперативный штаб был оборудован. Собранные улики отправлены в лабораторию в Мон-реале. Местное отделение полиции согласилось выделить охрану для громадной пушки, хотя качество присланных агентов вызывало сомнения.

– Только что из академии, – заметила Изабель Лакост. – Научатся.

– Может быть.

– Мы когда-то тоже были такими.

– Такими мы никогда не были, – возразил Бовуар. – Не так уж трудно сопоставить факты, Изабель. Они учились в академии три года. А значит, эти двое и все остальные на их курсе поступили на учебу в самый разгар той эпидемии.

– Думаешь, и на них порчу навели?

– Я подозреваю, что в то время набор курсантов проводился по особым критериям, – ответил Бовуар.

«А теперь мы имеем целый выпуск таких полицейских, – подумал он, открывая окно и ощущая холодный ветерок. – Несколько выпусков. Теперь они повсюду в Квебекской полиции. Повсюду в лесу».

Следствием этого безобразия была в лучшем случае некомпетентность, а в худшем – готовность агентов продать честь мундира.

Бовуар взял Библию, которую нашел на книжной полке в номере, пролистал, нашел Книгу Екклесиаста. Его заинтересовали строки из песни Пита Сигера.

В окне он увидел свет, горящий в доме Гамаша, и представил его и Рейн-Мари у камина за чтением.

«Всему свое время», – прочел он.

В доме Клары по другую сторону деревенского луга тоже горел одинокий огонек.

«Время сетовать, и время плясать».

Жан Ги увидел три высоких ствола сосен, которые чуть покачивались на осеннем ветерке. Увидел, как из быстро вышли две темные фигуры.

Одна высокая, сутулая. Вторая, с тростью, прижимала что-то к груди другой рукой.

Две фигуры прошествовали по деревенскому лугу мимо скамьи, мимо пруда, мимо трех сосен.

Жан Ги увидел, как месье Беливо проводил Рут до двери. А потом сделал нечто неслышанное: вошел в ее дом.

Время было позднее, но Бовуар не чувствовал усталости.

«Время молчать, и время говорить».

Он позвонил домой и поговорил с Анни. Они обсудили покупку какого-нибудь дома с двориком близ школы и парка. Потом рассказали друг другу о прошедшем дне. Он лежал на знакомой кровати в гостинице, думая о том, что она лежит на их кровати, болтая ногами.

У Анни был сонный голос, и Бовуар неохотно пожелал ей *bonne nuit*²⁵ и повесил трубку. «Время рождаться, и время умирать».

Его рука задержалась на трубке, и он задумался о Лоране. И о Лепажках. И о том, что чувствует человек, потерявший ребенка.

Бовуар надел халат, спустился по лестнице и подсоединил ноутбук к телефонной линии.

Он все еще сидел внизу, когда в бистро погас свет и пришли Оливье и Габри. Он все еще сидел там, когда все дома в Трех Соснах погрузились в темноту и вся деревня уснула.

Жан Ги сидел там, на его лице мелькали блики монитора. Наконец он нашел то, что искал. И только тогда он откинулся на спинку стула, уставший, с затекшей спиной. Глядя на имя, которое его поиск выудил из глубокой норы.

Он позвонил и оставил послание на автоответчике, потом поднялся в свой номер и забрался под одеяло. И уснул. Свернувшись вокруг плюшевого львенка, которого брал с собой, если знал, что не приедет ночевать домой.

«Время войне, и время миру».

– Гостиница, – ответил по телефону певучий голос.

– *Bonjour*. Моя фамилия Розенблатт. Майкл Розенблатт.

– Вы хотите забронировать номер?

– Нет, вы мне звонили. Что-то по поводу ракет.

Розенблатт услышал смех.

– Извините, – ответил человек. – Вы, вероятно, ошиблись номером. Здесь гостиница. Никаких ракет у нас нет. Даже ракеток нет.

Майкл Розенблатт уже понял это.

– *Désolé*²⁶, – сказал он. – Наверное, я неправильно набрал номер.

Он повесил трубку, проверил номер, покачал головой и вернулся к тому, от чего оторвался, – к приготовлению завтрака. Утренний звонок с кафедры в Университете Макгилла был какой-то невнятный. Что-то о послании, полученном предыдущей ночью, и о каких-то старых ракетах.

Когда полчаса спустя зазвонил телефон, он поднял трубку и услышал незнакомый голос.

– Профессор Розенблатт? – спросил по-английски человек с квебекским акцентом.

– Да.

– Меня зовут Жан Ги Бовуар. Я инспектор Квебекской полиции. Мне дали ваш домашний телефон в Университете Макгилла. Надеюсь, вы не возражаете.

– Вы из полиции? – переспросил он.

– Да.

Бовуар решил не говорить ему о том, что работает в отделе по расследованию убийств. В голосе профессора и без того звучало раздражение. Пожилой человек. Зачем ему еще один покойник?

– Так это вы оставили для меня послание в университете? – спросил Розенблатт. – Я пытался вам перезвонить, но человек, снявший трубку, ответил, что я попал в гостиницу.

Бовуар извинился.

«Говорит дружеским тоном, – подумал Розенблатт. – Обезоруживающим».

Но заслуженный профессор понимал, что это означает. Он знал: самые опасные люди всегда говорят обезоруживающим тоном. Он немедленно перешел к глухой обороне.

²⁵ Доброй ночи (*фр.*).

²⁶ Здесь: к сожалению (*фр.*).

– Мой сотовый здесь не работает, – сказал инспектор Бовуар. – Поэтому пришлось оставить вам номер стационарного телефона в гостинице, где я остановился. Мы расследуем преступление и обнаружили в лесу нечто непонятное.

– Правда? – Розенблатт почувствовал, что любопытство пробило маленькую брешь в его обороне. – И что же вы нашли?

– По виду – большую пушку.

Любопытство профессора мигом сошло на нет.

– Я не имею никакого отношения к пушкам, – сказал Розенблатт. – Область моих знаний – физика.

– Да, я знаю. Я читал вашу статью об изменении климата и расчетах траекторий.

Профессор поставил локти на кухонный стол:

– Вот как?

Бовуар решил не вдаваться в подробности, потому что «поглазел на вашу статью» в большей степени отвечало действительности, чем «прочитал». Тем не менее вчерашние поиски в Интернете вывели его на Розенблатта и его статью, и Бовуар смог из нее понять, что нашел человека, который специализируется на огромных пушках.

А пушка у Бовуара как раз имелаась.

– Вряд ли я чем-то могу быть вам полезен, – сказал профессор Розенблатт. – Ту статью я написал двадцать лет назад. Сейчас я на пенсии. Если вы нашли пушку, то вам лучше связаться с каким-нибудь артиллерийским клубом.

Он услышал в трубке тихий смешок.

– Боюсь, мне не удалось адекватно описать нашу находку, – сказал Бовуар. – Моего словаря не хватает, в особенности английского. А впрочем, и французского тоже. Это не какая-то обычная пушка. Она похожа на пусковую установку, но я никогда не видел такой конструкции. Мы обнаружили ее посреди леса в Восточных кантонах.

Профессор Розенблатт откинулся на спинку стула, словно его толкнули:

– В Восточных кантонах?

– Oui. Ее спрятали в зарослях под камуфляжной сеткой. Похоже, очень давно, – продолжил Бовуар. – Возможно, она простояла там не одно десятилетие. Профессор?

Молчание на линии. Жан Ги Бовуар уже начал думать, что связь накрылась. Или сам профессор.

– Я вас слушаю. Продолжайте.

Бовуар глубоко вздохнул и пустился с места в карьер:

– Она громадная. Я таких здоровенных орудий в жизни не видел. В десять, в сто раз больше обычных пушек. Нам понадобились приставные лестницы, чтобы на нее забраться, да и их высоты не хватало.

И опять на линии воцарилась тишина.

– Профессор?

Бовуар не ждал ответа, он скорее предполагал услышать частые гудки.

– Да-да, я слушаю, – раздался голос Розенблатта. – На ней есть какие-нибудь знаки, номера?

– Ни серийного номера, ни названия, – ответил Бовуар. – Хотя, возможно, мы что-то и упустили. Чтобы ее всю осмотреть, нужно время.

Розенблатт издал гудящий звук, словно заработали шестеренки в его голове.

– Но одно мы нашли, – добавил Жан Ги.

– И что же?

– Ну, это не совсем идентификационный знак, но нечто необычное. Рисунок.

Майкл Розенблатт встал перед кухонным столом, пролив кофе на утренний номер монреальской «Газетт».

- Гравировка?
- Oui, – ответил Бовуар, медленно поднимаясь из-за своего стола в оперативном штабе.
- На лафете?
- Oui, – ответил Бовуар, в голос которого вкралась опасливая нотка.
- Это зверь? – спросил Розенблатт, с трудом переводя дыхание.
- Зверь?
- Un monstre. – Его французский был не очень хорош, но для данного случая его вполне хватило.
- Oui. Монстр.
- Семиглавый.
- Oui, – ответил инспектор Бовуар.
- Он снова сел на стул в оперативном штабе.
- Профессор Розенблатт сел за свой кухонный стол.
- Как вы узнали? – спросил Бовуар.
- Это миф, – ответил Розенблатт. – По крайней мере, мы считали, что миф.
- Нам нужна ваша помощь, – сказал инспектор Бовуар.
- Это точно.

Глава одиннадцатая

– Есть кто-нибудь?

Майкл Розенблатт открыл деревянную дверь и без особой надежды просунул голову внутрь.

«Наверное, я ошибся», – подумал он.

Место казалось заброшенным, как и большинство старых вокзалов в Квебеке. Но человек в бистро указал ему именно на это здание.

– Bonjour? – произнес он немного громче.

Когда его глаза привыкли к полумраку, он увидел очертания чего-то большого и решил не идти дальше в мрачное здание.

Он взгляделся в крупный предмет. «Наверное, глаза играют со мной шутки», – подумал он, потому что это было похоже на пожарную машину. Она стояла прямо посреди здания старого вокзала. В котором, как ему сказали, разместилось отделение Квебекской полиции. Все шло вразрез со здравым смыслом.

Он развернулся, не зная, что ему делать дальше.

– Как вы быстро, – раздался мужской голос.

Из-за пожарной машины вышел человек с протянутой для пожатия рукой.

– Профессор Розенблатт? Меня зовут Жан Ги Бовуар, – сказал он. – Мы с вами говорили по телефону.

– Здравствуйте, – ответил Розенблатт, пожимая сильную руку.

Перед ним стоял офицер Квебекской полиции. Лет сорока, привлекательный и ухоженный. Стройный, но не худой, он производил впечатление человека, из которого так и рвется энергия. Стрела на натянутой тетиве.

Жан Ги Бовуар увидел перед собой невысокого пожилого человека в твидовом пиджаке и с галстуком-бабочкой. Седые волосы на его затылке поредели, а живот по-домашнему округлился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.